

Маркелова
Софья

БИБЛИОТЕКА

ЖЕЛАНИЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Софья Сергеевна Маркелова

Библиотека желаний

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70275043

SelfPub; 2024

Аннотация

Висельник. Проводница. Археолог. Бывший зэк. Четверо заблудших. Каждый из них находит таинственную книгу, что указывает путь в Библиотеку желаний – место, где мечты становятся явью. Они приступают к поискам, даже не подозревая, что обитель знаний оберегает безжалостный хранитель, а выбранная стезя полна опасностей и испытаний, где легко можно лишиться души. Но ради исполнения своей мечты люди подчас готовы на всё, что угодно. Обложка для повести создана нейросетью DreamStudio.

Содержание

Глава первая.	4
Глава вторая.	12
Глава третья.	19
Глава четвёртая.	28
Глава пятая.	36
Глава шестая.	47
Глава седьмая.	54
Глава восьмая.	62
Глава девятая.	68
Глава десятая.	77
Глава одиннадцатая.	84
Глава двенадцатая.	93
Глава тринадцатая.	100
Глава четырнадцатая.	109
Глава пятнадцатая.	115

Софья Маркелова

Библиотека желаний

Глава первая.

Висельник

Натёртая мылом верёвка змеёй обвилась вокруг горла. Затянув потуже объёмный узел, Пётр качнулся и оттолкнулся от табуретки, с грохотом опрокинув её на пол. Удавка мгновенно впилась в кожу, сдавила кадык. Глоток воздуха вдруг стал желанней всего на свете, и висельник захрипел, ногтями царапая верёвку, которая неумолимо лишала его последних секунд жизни. Он дёрнулся раз, другой, третий и безвольно обвис, чувствуя, как тело перестало ему подчиняться, а перед глазами не было ничего, кроме безграничного мрака.

Послышался коротки треск, давление верёвки неожиданно ослабло, а пол стремительно приблизился – висельник рухнул вниз и окончательно отключился.

В себя его привела омерзительная трель телефона. Закашлявшись, он ослабил петлю. Горло болезненно опухло и ныло, кожу жгло огнём, а в теле присутствовала противная слабость. С трудом он дополз до стола и ответил на звонок. Ве-

рѐвка с вырванным крюком для люстры волочилась за ним всё это время, как парадная мантия.

– Папа сегодня скончался в больнице, – тихо сказали в трубке женским голосом.

– Я уже знаю, – сипло прошелестел висельник. Горечь вновь подступила к горлу комом. Закрыв глаза, он бессильно лёг на пол, положив возле уха телефон.

– В смысле «уже знаешь», Петя? Откуда? – возмутилась собеседница. – Какого хрена ты тогда мне не позвонил, если узнал всё первым, мудила?!..

Поморщившись от звонкого голоса сестры, Пётр промолчал. Единственное, что ему сейчас хотелось больше, чем содохнуть, так это проблеваться и выкурить пару сигарет.

Сестра продолжала орать в трубке, Пётр так и оставил её наедине с собой, а сам, понемногу поднявшись на ноги, принялся бродить по кухне в поисках сигарет. Пачка нашлась в раковине, забитой окурками и тухлыми остатками еды. Выкурив первую сигарету, Пётр отказался от мысли проблеваться, выкурив вторую, решил, что в следующий раз выберет более надёжное средство для сведения счётов с жизнью. Едва ли прыжок с крыши многоэтажки мог его подвести так же, как подвёл крюк от люстры.

Оставшийся на полу телефон неожиданно замолчал. Пётр решил, что сестра наконец устала вопить, как резаная свинья, загасил окурки о столешницу и поднял мобильник.

Будто почуяв это, на том конце провода снова послышался

голос. Но теперь он был совсем тихим и полным горечи:

– Я знаю, ты очень сильно любил папу. Для меня это тоже удар. Но ты должен...

Пётр сбросил звонок и выключил телефон. Он никому и ничего не должен больше. Даже себе.

Единственный, кто не считал его обузой для семьи, безработным наркоманом и отбросом, кто любил и поддерживал всю жизнь, кто ни разу ни в чём не упрекнул, умер. И мир стал ещё на один оттенок чернее. Никакой опоры под ногами теперь не было, оставалось только падать вниз.

В заначке под паркетной доской Пётр нашёл блистер фенобарбитала. Белые круглые таблеточки манили его, обещали избавить от горечи утраты, дать покой хотя бы на время. Он коснулся их пальцами, ласково погладил, а после крепко зажмурился и вернул доску на место.

Нельзя. Он обещал отцу. Обещал, что больше никогда.

И даже смерть не должна отменить данное обещание.

Докурив пачку, висельник кое-как добрался до ванны, залез в её эмалированное нутро, где отчётливо воняло ржавчиной и плесенью, и сам не заметил, как заснул.

Рано утром в мозг ему впился стрёкот старого домашнего телефона. Добравшись до трубки, Пётр уже готов был щедро обматерить назойливую сестру, но это звонили из больницы, где скончался отец. Просили приехать и забрать личные вещи.

Первой мыслью было послать всех к хренам, а потом Пётр

нащупал в кармане пустую пачку. Желание покурить вгрызлось в него крепче бешеного пса. Надо было выползти на свет божий.

Стоя в ванной перед загаженным зеркалом, он избавился от верёвки, болтавшейся на шее, как безвкусный галстук. На горле остался отчётливый красно-синеватый след. Шарфа в квартире не оказалось, и Пётр накинул потрёпанное пальто с оторванным карманом, давно доставшееся ему от отца, поднял воротник и в таком виде отправился прочь из дома.

Снежная метель яростно клубилась за порогом, бросая в лицо горсти колючего снега. Было в этом нечто гипнотическое. Пётр брёл сквозь сугробы, и пурга выдувала из души усталость, боль и память, будто желая подарить ему новую, чистую жизнь, не осквернённую чернотой.

Обзаведясь парой пачек сигарет, он думал вернуться домой и поразмыслить всё же над прыжком с девятого этажа, но ноги сами понесли его в другую сторону. В стилом вестибюле больницы грузная санитарка пихнула Петру в руки пакет и молча ушла, бросив перед этим выразительный взгляд на опухший след от удавки на горле. Внутри пакета была одежда, стоптанные резиновые тапочки, несколько газет с решёнными сканвордами, всякая мелочь, которой отец развлекался последние недели в палате. Пётр раздумывал, что со всем этим делать, перебирал вещи, когда из сломанного очешника выпал сложенный тетрадный лист.

«Сынок. Я чувствую, что операция мне ничуть не

помогла. Что бы там ни говорили врачи, а лучше не стало, только сильно хуже. И если правда такое случится, что я здесь помру, то ты не убивайся по мне, Петька. Я и так много лет от смерти бегал, я хорошую и долгую жизнь прожил, вырастил сильную дочь и замечательного сына.

Я верю в тебя, Петя. Верю, что ты можешь свою жизнь устроить, как пожелаешь. Сил и ума у тебя достаточно, чтобы найти себе дело, которому ты будешь по-настоящему предан. Не губи себя, не становись рабом зависимостей. Ты мне обещал.

Но если вдруг когда-нибудь станет совсем туго, поймёшь, что не справляешься, то найди в гараже в старом сундуке книгу. Я никому и никогда про неё не рассказывал. Это необыкновенная книга. Пользоваться ли ей – решать тебе. Я вот не рискнул, так и хранил её в тайнике всю жизнь. Но ты особенный, мой мальчик. И потому я готов доверить её тебе.

С любовью, папа»

Пётр перечитал письмо ещё раз. Потом ещё и ещё, запоминая каждую букву.

Что это за необыкновенная книга?

Ни о чём подобном от отца он раньше никогда не слышал, а ведь папа доверял ему всё, абсолютно всё на свете. Планы по прыжку с девятого этажа медленно сместились в голове, уступив место любопытству. Эта сладковатая волна в груди удивила Петра, он даже не поверил сперва, что в нём проснулось такое детское, совсем позабытое чувство.

До гаража он добрался быстро, долго откапывал дверь, заваленную снегом, и искал запасной ключ под козырьком. Внутри пахло резиной и машинным маслом. Стояла безжизненная покрытая слоем пыли Лада, вокруг неё теснились коробки, вдоль стен выстроились грубо сколоченные стеллажи и забитые неясно чем ящики. Старый сундук, накрытый брезентом, мирно таился в дальнем углу. Косой луч света падал на него от входной двери, мягко касаясь потускневшей оковки. Навесной замок сбить не удалось, как Пётр ни старался, зато оторвалась проушина.

Внутри в облаке пыли и затхлости в самом деле лежала книга, завёрнутая в грязные тряпки. Пётр достал её, покрутил в руках увесистый томик и вышел из гаража на свет.

Явно старинная, обитая кожей или чем-то очень на неё похожим, эта книга выглядела непримечательно. Потёртые уголки, желтоватые плотные страницы и блёклые буквы на обложке.

Начало

Неопределённо фыркнув, Пётр раскрыл книгу на середине, озадаченно нахмурился и пролистал несколько страниц, после заглянул в конец. Все страницы были пусты.

Это всё больше и больше походило на отцовскую шутку, но тут он перелистнул книгу на самое начало. Левую руку внезапно прострелила такая резкая и жгучая боль, что Пётр

вскрикнул и случайно выронил старинный фолиант. Тот рухнул в сугроб, взметнув снег. Висельник сжал правой рукой запястье левой. Боль всё не унималась: она разъедала большой палец, будто его окунули в раскалённый металл. А когда на коже проступила красновато-розовая полоса, Пётр сжал зубы и в ужасе на неё взирал. Медленно полоса обрела объёмные очертания. Это была цифра «1», выжженная на коже клеймом.

Висельник охнул и упал на колени, засовывая руку в сугроб. Боль чуть притупилась, но знак никуда не исчез. Когда Пётр снова взглянул на большой палец, там всё так же виднелась единица.

А вот лежавшая в снегу книга сразу ожила. На глазах у изумлённого Петра на первой странице возникли слова, выведенные тёмно-красными чернилами:

«Путник, дорога твоя начинается здесь и сейчас, а ведёт она в место, неподвластное никому и ничему, в обитель знаний и опыта, в Библиотеку Желаний. Коль жаждешь ты постигнуть сокровенные знания, то не сходи с пути, иди до конца. Ибо ждёт тебя истина, способная исполнить любые из твоих желаний, способная совершить невозможное, даже побороть смерть...»

За спиной висельника из рыхлых теней бесшумно выступила фигура человека, укутанного в чёрные тряпки. Его лицо словно было высечено из покрытого прожилками белого

мрамора, и глубоко запавшими безжизненными глазами он со злобой взирал на Петра. Но едва ли висельник заметил безмолвного наблюдателя. Он сидел на снегу, жадно листая книгу, обещавшую ему воскресить любимого отца из мёртвых, и ничто в целом мире отныне его не волновало.

Глава вторая.

Проводница

Жанна драила обгаженный сортир. Стараясь не дышать носом и не разглядывать чужие испражнения, она убирала дерьмо со стен, пола и стульчака. Было ощущение, что один из пассажиров её вагона просто зашёл в сортир и взорвался там, как бомба с жидким говном. Почему такие люди вообще существовали и почему они не считали нормой убрать за собой хотя бы немного, Жанна не представляла. К сожалению, её работа чаще вынуждала заниматься именно устранением такого рода проблем, а вовсе не давала простор для знакомств с молодыми неженатыми пассажирами, как ей ду-малось несколько месяцев назад.

Поднявшись и стянув с руки грязную перчатку, она отёрла вспотевший лоб и кинула на себя взгляд в зеркало. Оттуда на неё смотрела настоящая красавица-блондинка. По крайней мере, Жанна была уверена в том, что настоящая красота должна выглядеть именно так: густые наращённые ресницы, подкаченные припухлые губки, за которые коллеги из зависти звали её уткой, разглаженный ботоксом лоб. Жанна обожала своё лицо.

Конечно, работа проводницей в поездах дальнего следо-

вания едва ли способствовала сохранению красоты и молодости, особенно когда приходилось бороться с пьяными пассажирами, если на рейсе не было сопровождающего наряда полиции, либо таскать из вагона неподъёмные мешки с мусором на технических станциях. Но это был своеобразный перевалочный пункт на пути к настоящей мечте.

Когда с сортиром было покончено, Жанна вернулась в своё купе. Весь вагон давно спал, поезд мирно покачивался на рельсах, колёса убаюкивающе стучали на стыках. В тёмных провалах окон виднелись бескрайние заснеженные поля и укутанные в белые балахоны ели. Поезд неумолимо скользил вперёд сквозь снежную завесу, будто в сопровождении вереницы призраков.

Поймав на пару минут сеть в этой безжизненной зимней пустыне, Жанна торопливо проверила почту на телефоне, но её ждало разочарование. Организаторы двух последних конкурсов красоты, куда она отправляла заявки, так и не удосужились дать ей ответ. И модельное агентство подозрительно долго молчало, хотя она гордилась собранным для них портфолио.

Жанне в этом году должно было исполниться двадцать шесть лет. Неумолимо приближался возраст, после которого путь в модели был ей заказан. Она уже считалась старовой для этого бизнеса, но по-прежнему отчаянно держалась за свою мечту. Только часы было не остановить, в участии в конкурсах ей всё чаще отказывали, зато её косметолог сле-

тала на Мальдивы в этом году и установила виниры.

Жанна отказывалась верить, что её шанс упущен. Она хотела быть вечно молодой и красивой, вопреки природе, здравому смыслу и всем тем, кто пытался убедить её в обратном.

Сделав кофе, Жанна устроилась в уголке купе и достала из-под подушки книгу, которую прятала там от случайных глаз. Проведя ладонью по обложке с едва читаемым названием «Начало», она раскрыла книгу почти в самом конце, где лежала милая закладка с котятами, и углубилась в чтение.

Эту странную книгу Жанна нашла почти месяц тому назад под полкой в одном из купе. Владелец её так и не объявился, и что-то неясное удержало Жанну от того, чтобы сдать находку в комнату хранения забытых вещей на конечной станции. Она спрятала книгу в своём купе, а однажды вечером, когда её особенно клонило в сон, решила осмотреть явно старинный фолиант.

Стоило девушке раскрыть книгу, случилось нечто невероятное: её идеальную руку с тонкими пальчиками изуродовал страшный болезненный шрам в виде единицы. А на пустых страницах проступили красные буквы. Шрам и поныне был на большом пальце, Жанна его замазывала тональным кремом каждое утро, а по ночам изредка читала таинственную книгу. Она надеялась найти там ответ, как избавиться от полученного уродливого клейма.

Но книга рассказывала исключительно о Библиотеке Желаний, о мистическом месте, окутанном завесой секретов.

Якобы, тому, что отыскал путь в Библиотеку, открывались невероятные знания. Владеющий этими знаниями мог воплотить в жизнь любое желание, даже самое абсурдное или запредельное. Книга Начала говорила, что попасть в Библиотеку можно было лишь следуя особому пути. Путь указывала эта книга и те, к которым она должна были привести.

Жанна, конечно, скептически смотрела на историю о Библиотеке Желаний. Она воспринимала её как сказку. Хотя книга Начала указывала на совершенно реальное и конкретное место, где путника дожидался следующий фолиант – это был один из городов на её маршруте. Нужно было всего-навсего сойти на станции «Торжок» и добраться до этнографического музея под открытым небом. Там книга Начала предлагала отыскать старинный Валунный мост.

Не так уж и сложно, если подумать.

Жанна невидящим взглядом уставилась в окно на проносящиеся мимо столбы. Она ещё чувствовала запах дерьма, казалось, пропитавший её одежду и волосы после уборки.

А ведь эта фантастическая история могла оказаться правдой, вдруг мысленно прикинула Жанна, и тогда Библиотека могла бы помочь ей помолодеть и сохранить красоту на долгие годы. И ей не пришлось бы больше подносить людям чай, как официантке, и мыть полы с туалетами в вагоне. Она бы блистала на подиуме, позировала фотографам в стильной одежде и улыбалась богатым красавчикам с рекламных афиш.

Замечтавшись, Жанна не сразу поняла, что её отражение в окне исказилось, будто по нему пошла рябь, а после и вовсе исчезло с поверхности стекла. Исчезло вместе со светом в тесном купе – тот внезапно мигнул и пропал, погрузив Жанну в непроницаемую темноту. Вместо её личика в отражении совершенно отчётливо стал виден зимний ночной пейзаж. Но было в нём что-то неправильное.

В зыбком мареве снежной пыли, вздымаемой несущимся поездом, вдоль железной дороги скользила тень. Жанна встала с места, отложив книгу, потому что на секунду ей показалось, что эта тень – живой человек. Но едва она пригляделась повнимательнее, то оцепенела. Это и правда был человек в облепленном снегом чёрном рубище, который ужающе быстро перебирал ногами и бежал рядом с мчащимся поездом.

Фигура слегка ускорила, а после оттолкнулась от снежной насыпи, взмыв в воздух, и с грохотом рухнула на крышу вагона. Жанна задрожала всем телом от этого раскатистого шума. Она не представляла, что ей следовало делать, ведь вызывать начальника поезда по радиации казалось безумством – кто бы поверил её рассказу!

Прижав к груди похолодевшие ладони, Жанна прислушалась. На крыше кто-то ёрзал и топал, а после звуки сместились в сторону. Когда она бросила случайный взгляд в окно, то невольный вскрик сорвался с её губ. Там, снаружи, неясно за что цепляясь, к стеклу приникла жуткая фигура. В чёр-

ном развивавшемся рубище, с всклокоченными тёмными волосами, мужчина с растрескавшимся лицом, напоминавшим лицо кладбищенских каменных ангелов, молча пялился на проводницу. Жанна прикрыла себе рот руками, её ноги приросли к полу, а чудовищный безбилетный пассажир принялся царапать что-то длинным желтоватым ногтем на стекле.

З – А – Б – У – Д – Ь

И едва скрежет утих, а на окне возникла последняя буква, фигура отпрыгнула назад, и потоком воздуха её унесло в темноту ночи, словно кусок тряпки.

Жанна несколько минут пыталась научиться заново дышать, её колотило от пережитого ужаса и страха, а зловещая надпись на стекле осталась, как подтверждение того, что это был не сон. Она бы простояла и дольше, но поезд стал замедляться – приближалась станция. Наскоро накинув фирменный пуховик, Жанна накрепко закрыла купе и побежала в тамбур, чтобы спустить к перрону лестницу.

Мыслей по поводу того, что случилось, у неё попросту не было. Исключительно паника, захватившая сознание. И ничего, кроме привычной рутинной работы, не могло Жанне помочь прийти в себя.

Выходящих на этой станции не было. Сперва Жанне подумалось, что и новых пассажиров тоже не прибавится, ведь заснеженный перрон маленького городского вокзала казал-

ся вымершим – только хлопья снега порхали в свете редких фонарей.

Но вот от теней здания отделилась одинокая фигура со спортивной сумкой на плече и зашагала напрямиком к Жанне. Коренастый невысокий мужчина с бритой головой и в короткой дублёнке сплюнул окурком на перрон и протянул проводнице паспорт с билетом.

Жанна улыбнулась дежурной улыбкой, опустила взгляд на документ, и улыбка её медленно истаяла. На большом пальце руки, державшей паспорт, пылал красноватым светом безобразный шрам в виде единицы.

Глава третья.

Мор

Настроение у Эдика было прескверное. Во многом потому, что ему без усталости пару дней мерещились странные тени и слышался жуткий голос, уверявший его забыть о Библиотеке Желаний. Но это не шло ни в какое сравнение с дрянной погодой: Эдик терпеть не мог холод, зиму и снег. А последние имевшиеся деньги пришлось потратить вовсе не на тёплую одежду, а на билет на поезд и кофе. И если поезд приехал по расписанию, то кофе был таким мерзким, что Эдик, не глядя, вылил эту жижу в ближайший сугроб. Но кислый вкус во рту остался и гадливо напоминал о себе даже после сигареты.

Ещё и девчонка-проводница оказалась какой-то заторможенной и совершенно бестолковой. Так долго пялилась в документы, что Эдик было подумал, она заснула. Когда он наконец шагнул с холода в мягкое тепло поезда и добрёл до своего купе, то первым делом убрал сумку с пожитками под полку, а на столик выложил книгу Начала.

Соседей не было, и Эдик с чистой совестью закрыл дверь, отгородившись от внешнего мира, и принялся за чтение. Читать он не любил от слова совсем, и ему приходилось застав-

лять себя продираться сквозь слова, сложные метафоры и обороты, кляня всё на свете. Но смысл написанного утекал сквозь пальцы, как вода, стоило Эдику отвлечься или задуматься хотя бы на миг.

Через некоторое время от чтения его отвлекло щекотливое ощущение чужого взгляда. Он резко обернулся к двери, которая оказалась приоткрыта. В щёлку, как любопытная мышь, подглядывала молодая проводница. Эдик скрипнул зубами:

– Ты чего тут трёшься, кукла?

Девушка испуганно дёрнулась, порываясь сбежать, но после взяла себя в руки и зашла в купе. Она протянула Эдику веер газет и журналов.

– Не желаете ли купить свежую прессу?

– Нет. Не желаю. Чеши отсюда, – невежливо откликнулся пассажир.

Но проводница с именем Жанна на бейджике уходить не торопилась. Она, вытянув шею, глядела на левую руку Эдика, лежавшую на краю стола.

– Что, на наколки мои пялишься? – Хмыкнув, он сжал руку в кулак, отчего синеватые татуировки перстней на фалангах обозначились отчётливее. – Не бойся, кукла. Это былое. Отмотал я своё, чист теперь.

Девочка мотнула головой и вытянула вперёд руку. Эдик увидел красноватую цифру у неё на большом пальце. Точно такую же, что недавно приобрёл и он, что вдруг проступи-

ла багровым шрамом поверх перстней, а теперь ещё и стала светиться изнутри неярким алым светом.

Резко вскочив с места, Эдик с неожиданной для своей комплекции ловкостью метнулся к двери и захлопнул её, щёлкнув замком. Жанна тихонько вскрикнула, выпустив из рук прессу, когда бывший зэк навис над ней, как туча, прожигая недобрым взглядом.

– Значит ты, кукла, тоже тут как-то замешана?! А?! Отвечай, что тебе про тайник известно! – Он грубо схватил её за отворот пиджака идохнул в лицо кофейно-сигаретной вонью.

– Я-я-я... Я-я н-ничего не зн-наю! Пр-равда! – проблеяла девушка, сползая на нижнюю полку как слизняк. Эдик отпустил её, но не отступил, топчась по валявшимся на полу газетам и журналам.

– Откуда у тебя метка эта?

– Я кн-нигу прочитала. Такую же, как ваша, – запинаясь, проговорила Жанна. – Про Библиотеку.

– Ну да. Не пиздишь, есть там что-то про Библиотеку, – Эдик цыкнул зубом. – Только нихера не ясно, где бабло лежит.

– К-какое бабло? – заморгала проводница.

– Ша! Значит, говоришь, что прочитала всё? – Бывший зэк кивнул в сторону книги Начала, и Жанна лишь слабо пикнула в знак подтверждения. – Тогда скажи мне, кукла, куда надо переть, чтобы бабки забрать? А то я ни черта в этой

мути не могу понять. То про Библиотеку что-то, то про Торжок вообще, то про другие какие-то книги. Херня собачья...

– Там ничего про деньги не написано... – боязливо зашептала Жанна, зажавшись в угол. – Там сказано, что знания Библиотеки позволят осуществить любое желание или мечту. Там правда так написано...

– Какое ещё желание? Мне Баран перед смертью напел, что книга приведёт к баблу, которое он мне должен. И типа там даже больше, чем он должен. И теперь я всё заберу. Только я понять не могу, куда катить надо. Ты мне скажешь или нет, кукла?

– В Торжке, на Валунном мосту, должна лежать вторая книга, которая укажет, куда двигаться дальше, – не без опаски ответила Жанна, сглотнув, а после затянувшейся паузы тихонечко спросила: – Вы сказали, «перед смертью»?..

Эдик широко улыбнулся, блеснув червоточинами отсутствующих зубов.

– Не бойся, не убивал я Барана и его подсосов. Я же не мокрушник, не убийца.

И едва Жанна хотела расслабиться и улыбнуться в ответ, Эдик добавил:

– Я их глубоко в лес увёз, к деревьям привязал. Если сами от мороза не околеют, то их волки пожрут. Там, где я их оставил, края дикие, зверья голодного много зимой бродит.

Жанна икнула и провалилась в спасительный обморок, стукнувшись головой о стенку.

Эдик сочувственно поглядел на эту молодую глупую ду-
рёху. Сев напротив неё, он достал из кармана помятую си-
гаретку, распрямил, как мог, и зажёл. Затянувшись крепким
дымом, он медленно выпустил его в лицо проводнице. Через
пару секунд она поморщилась, потом задрожали похожие на
щётки фальшивые ресницы, и проводница пришла в себя.

Первыми её словами был возмущённый выкрик:

– В вагоне нельзя курить!

Эдик фыркнул от такого напора, подошёл к окну и открыл
форточку, выпуская дым из купе. Жанна же, вспомнив о сво-
ём шатком положении, с ногами забила в угол нижней пол-
ки и с ужасом взирала на бывшего зэка, равнодушно при-
знавшегося в убийстве нескольких человек. Пусть, конечно,
он их не убивал напрямую, но всё сделал так, чтобы они ско-
ропостижно покинули белый свет.

– Ты, кукла, не смотри на меня как мышь на удава, – зятя-
нувшись, Эдик вернулся на место напротив проводницы. –
И одно уясни – они это заслужили.

– Никто не заслуживает смерти, – боязливо пикнула Жан-
на.

– Уроды моральные – заслуживают. Педофилы вонючие
– заслуживают. Ворьё, у беззащитных стариков последние
бабки вымогающее, – заслуживает. Мокрушники и насиль-
ники – заслуживают. Много кто заслуживает, кукла. И Баран
с подсосами заслужил.

Жанна в этот раз не рискнула возражать, но с надеждой

посмотрела на закрытую дверь. Незаметно сбежать у неё бы никак не вышло, а дать отпор бывшему зэку, коренастому и крепкому, ей бы не хватило сил. Эдик её взгляд не заметил: он курил, глядя в пол и почёсывая бритую макушку.

– Не поверишь, я ведь с Бараном всю свою жизнь знаком был. Росли в одном дворе, как облупленные друг друга знали. Когда шарагу кончили, вместе дело открыли, всё легально. Деньги делили поровну как братья...

– И-и что потом было?

– Много чего было. Столько лет батрачили вместе, дело выросло, доход нехилый попёр, рук стало не хватать. Он набрал каких-то приятелей старых, стал что-то с бумагами мутить... Я и не подозревал ничего, верил ведь ему. А потом Баран весь бизнес на себя переписал. Только я рот раскрыл, он меня подставил – бумажек подкинул липовых, заплатил кое-кому, и меня загребли. Ни оправдаться, ни доказать, ни хрена я не смог сделать, кукла.

Жанна хлопала глазами и внимала, точь-в-точь как послушная кукла.

– Когда я с зоны откинулся, то первым делом на него вышел. А он за годы разжирел на нашем деле, охренел вконец. Я ему говорю: «Баран, половину бабла за бизнес мне гони, и забуду всё». А он мне отвечает: «Ни черта ты не получишь, Мор. Я делиться больше не намерен. А ещё раз припрёшься ко мне – засажу тебя за решётку лет на десять».

Затянувшись в последний раз, Эдик щелчком отправил

окурок в форточку и захлопнул её.

– Как был упрямым бараном, так и остался. В общем, от-мудохал я его и дружков заодно. В лес отвёз, куда подальше. Пригрозил порешить и прикопать там же, тогда мне Баран и стал петь про книгу и деньги... Я думал, это тайник он так спрятал по-умному. Да только в книге одна эта лабуда про Библиотеку. Думал хоть в Торжок скатаю, раз он указан. Но, походу, денежки мои не там будут, дальше придётся искать... Ладно, хоть ты, кукла, со мной теперь пойдёшь. Если ты понимаешь, что там в книге этой написано, будешь тогда моей проводницей.

Эдик хохотнул, довольный случайным каламбуром, и облизнул пересохшие губы.

– И это... Давай метнись к титану, чифира мне сваргань, кукла. А то в горле пересохло от всей этой болтовни. Давай-давай! Кабанчиком метнулась, я сказал!

Жанна вылетела из купе со скоростью пули. Слушать откровения нераскаявшегося убийцы ей не понравилось, так что дважды просить её удалиться Эдику не пришлось. Она заметалась по коридору, судорожно думая, что ей следовало предпринять, кого позвать на помощь, как сбежать от Эдика, который, несомненно, легко мог бы от неё избавиться при желании.

Она нырнула в своё уютное купе, как в безопасную нору, но там её встретило отсутствие света и никуда не исчезающая надпись «ЗАБУДЬ» на стекле. А состав тем временем

неумолимо замедлялся. Судя по расписанию, впереди была короткая техническая остановка, следующей станцией после которой значился город Торжок. Не раздумывая, Жанна застегнула пуховик, сунула в сумочку книгу Начала и выпрыгнула в тамбур. Едва поезд остановился на полутёмной станции, где должны были ссаживать железнодорожных рабочих, Жанна тенью выскользнула на низенький перрон, усыпанный снегом. Опасливо оглядываясь на свой вагон, она побежала вперёд, спотыкаясь о сугробы и сбивчиво дыша.

Пока со всего размаху не врезалась в чью-то неподвижную фигуру. Её сразу заботливо схватили за плечи, спасая от падения, а ласковый голос произнёс:

– Ох, простите, голубушка. Я совсем не смотрел по сторонам! Вы не ушиблись?.. О-о, да вы проводница! В таком случае, не подскажите ли мне, как отсюда можно попасть в город Торжок, мм? А то я, кажется, сошёл не на своей станции.

Жанна уставилась на стоявшего перед ней щуплого очкарика в куртке и с кожаным портфелем, как на приведение. Тот вдруг улыбнулся, взял её за левую руку и нежно погладил тыльную сторону ладони:

– А... Вижу, вы держите путь туда же, куда и я.

На его большом пальце горела красным светом роковая единица.

Это было уже слишком для впечатлительной Жанны. Нервы её окончательно сдали, она коротко вскрикнула и отвеси-

ла незнакомцу звонкую пощёчину.

– Не троньте меня!

А после, подбежав к краю платформы и спрыгнув в высокий сугроб, бросилась в сторону темнеющей громады негустого пролеска. Там не было ни дороги, ни фонарей, но Жанна упорно пробиралась вперёд, пока полностью не растворилась в ночи.

Глава четвёртая. Чёрный археолог

Лев Николаевич остался на перроне, задумчиво глядя во след нервной проводнице и поглаживая красный след от пощёчины на скуле. Такая неожиданная женская агрессия была ему совершенно неясна.

На перроне зашипел поезд, готовясь отправляться дальше. Приглушённый свет в окнах состава на мгновение мигнул, и Льву показалось, что в проёме распахнутой проводницей двери вагона появилась чёрная фигура человека. Миг она глядела на Льва растрескавшимся лицом, а после исчезла, не оставив после себя даже тени.

Вздвогнув, Лев Николаевич отступил на шаг. Проклятье кургана продолжало всюду настойчиво его преследовать, куда бы он ни шёл. С того самого дня, как Лев раскопал древний хакасский курган посреди широкой степи, он не знал покоя. Не даром в изголовье мертвеца, сжимавшего в руках одну-единственную старинную книгу, была оставлена табличка с текстом проклятья.

Смерть заберёт того, кто нарушит покой шамана

Теперь проклятье медленно изводило осквернившего гробницу археолога, и лишь надежда отыскать упомянутую в тексте Библиотеку Желаний заставляла Льва держать страх в узде. Если бы ему удалось найти этот уникальный и явно древний археологический памятник, он мог бы прославиться в веках, он мог бы вернуть себе учёную степень и место в институте!

Лев Николаевич развернулся и зашагал в пролесок, туда же, куда минуту назад устремилась девушка. Её следы были отчётливо видны в снегу, и оставалось просто-напросто ступать по проложенному пути за проводницей.

Пролесок вскоре закончился, оборвавшись у пустынной трассы. Редкие машины с шумом на миг возникали из снежной дымки, освещая путь фарами, и вновь растворялись в сплошном белом облаке. Неглубокие следы проводницы тянулись вдоль трассы на север.

Лев Николаевич не успел пройти и десяти метров, как одна из машин вдруг резко затормозила, взвизгнув тормозами, и съехала на обочину прямо перед ним. Распахнулась водительская дверь, и из салона выбрался красный и разъярённый мужик. Он быстро выволок с пассажирского сиденья долгового темноволосого парня за пальто и бросил его в сугроб, покрытый нежной ломкой корочкой дорожной грязи.

– А если денег у тебя нет, тогда какого хуя ты мне голову морочил, урод?! – взревел водитель и от души пнул бывшего

попутчика по ногам.

– А это чтобы ты не смотрел на меня как на говно всю дорогу, – сипловато ответил парень и завозился в сугробе.

– Я бы тебя вообще подбирать не стал, нищоброд!

– Вот именно...

Сплюнув, водитель вернулся в машину, громко хлопнул дверью и дал по газам, быстро исчезнув в снежной завесе.

Лев Николаевич наконец отмер. Он хмыкнул себе под нос и приблизился к парню, протягивая ему руку помощи.

– Довольно рисовый способ путешествовать вы выбрали! – заметил археолог.

Парень задрал голову, окинул быстрым взглядом щуплого мужичка, и схватился за протянутую ладонь, поднимаясь из сугроба. Но археолог не торопился разжимать руку, его взгляд был прикован к символу на большом пальце незнакомца, который вспыхнул красным светом.

– Изумительно. И у вас схожий знак. Сколько же ещё будет искателей Библиотеки?..

Отчего-то парень совсем не удивился подобному совпадению, лишь настойчиво высвободил руку со шрамом в виде единицы, отряхнул пальто и повыше поднял воротник. Но Лев Николаевич всё равно успел заметить опухшую красно-синюшную полосу на горле, какая могла быть только от удувки.

– Найдётся покурить? – сипло спросил висельник.

– Не курю.

– Жаль.

Льву Николаевичу вот жаль совсем не было. Он окинул висельника задумчивым оценивающим взглядом. Появление в партии очередного игрока ему не нравилось. За Библиотекой охотилось многовато желающих, и если бы не метка, загоравшаяся красным светом при приближении конкурента, то Лев мог бы узнать о них слишком поздно.

Стоило обзавестись союзником.

– Я – Лев Николаевич Хоробов, доктор исторических наук, археолог. А вас как зовут?

Висельник скосил глаза на вновь протянутую ладонь, но всё же пожал её и коротко ответил:

– Пётр.

– Что ж, Пётр, приятно познакомиться! Предлагаю продолжить путь вдвоём. Всё равно ведь нам нужно двигаться в одну сторону, не так ли? Ха-ха! К тому же, я знаю, в какую именно.

Он уверенно зашагал вперёд, ориентируясь на следы проводницы, которые медленно начинало заметать снегом, но пока ещё они были заметны. Пётр на удивление послушно пошёл за ним.

– Я думал, книга Начала одна, – через минуту тишины произнёс висельник.

– О, поверьте, до сегодняшнего дня я думал точно так же, как и вы, – усмехнулся Лев, похлопав по своему портфелю, где покоилась его книга Начала. – Но до вас я повстречал

девушку с похожей меткой. А значит, книг минимум три. И все они указывают путь в одно место.

– Что вам о нём известно?

– А вы прочитали книгу до конца? – спросил Лев.

Висельник отрицательно мотнул головой.

– Зря. Там много сказано об истории Библиотеки. Я изучил этот текст не один раз, пока сюда добирался. Библиотека – это, явно, уникальное место. Кладезь истории. В книге Начала говорится, что Библиотека собиралась веками, тысячелетиями. В ней заключена вся мудрость и опыт человечества!

Пётр безразлично хмыкнул на это заявление, машинально сунул руку в карман пальто за пачкой сигарет. Пальцы проскочили мимо оторванного куска ткани. Он вдохнул. Ни тепла, ни сигарет.

– Разве там не должны быть книги, исполняющие желания? – немного рассеянно спросил Пётр.

– Звучит как нечто мистическое, не так ли? – вдохновенно заговорил Лев, поправляя очки в роговой оправе. – Если быть точнее, то в книге Начала сказано, будто бы каждый фолиант Библиотеки Желаний – это прямой путь к той или иной жизненной ценности. И неважно, материальная она, либо духовная. Но мы ведь с вами взрослые люди, и оба понимаем, что это просто фантастическое допущение писцов.

– Неужели? – висельник странно и немного подозрительно поглядел на собеседника, шагая с ним в ногу. Мимо с шу-

мом пронеслась очередная машина, и порыв ветра взметнул тёмные волосы Петра. Те зашевелились, как змеи, придав его облику демонические черты. – Зачем тогда вы ввязались в поиски Библиотеки, если не верите, что она исполняет желания?

– Я верю в научный подход! Для меня поиски Библиотеки – это, в первую очередь, шанс совершить прорыв в мировой археологии. Мистике тут нет места...

Лев сказал это и сам себя оборвал, остановившись на месте. Ему неожиданно привиделось, что посреди дороги стоит закутанная в чёрное одеяние фигура, мимо которой мчались редкие машины. Склонив на бок голову, она следила за археологом, как охотник за добычей.

Пётр тоже замер, проследил за взглядом собеседника и коротко бросил:

– Вы лжёте сами себе.

Фигура с гипсовым лицом внезапно сорвалась с места и с нечеловеческой скоростью помчалась напрямик к Льву Николаевичу. Тот тихонько по-женски взвизгнул и попятился назад, прикрываясь портфелем. Летевшая по трассе белая машина на полном ходу сбила жуткого призрака, не притормозив. Тот растворился в воздухе чёрной дымкой, оставив после себя лишь страх.

– Опять это проклятье... проклятье гробницы, – зашептал Лев, дрожащей рукой пригладив свои редкие волосы, вставшие дыбом. – Я плачу за то, что забрал книгу из кургана...

– Не знал, что археологи могут присваивать исторические находки, – буркнул Пётр и снова зашагал вдоль трассы, как ни в чём не бывало. – Думал, этим занимаются чёрные копатели.

Лев Николаевич дёрнулся от услышанного, быстро догнал висельника и возмутился:

– Как вы говорите, молодой человек?! Я вовсе не чёрный копатель! Я – человек науки, мне нет дела до сбыта исторических артефактов. Просто некоторым вещам будет лучше не пылиться попусту на музейных стеллажах, а быть у меня. Так их легче описывать и изучать, так от них будет куда больше проку...

Пётр его, казалось, совсем не слушал. Он бодро шагал вперёд, сунув заледеневшие ладони под мышки. Лев всё силился ему доказать, что никакой он не чёрный копатель, что он видный учёный, профессионал своего дела. И пусть он пока не нашёл рациональных объяснений проклятью, светящемуся шраму на пальце и мистической книге с возникающими алыми письменами, но он рано или поздно доберётся до истины.

Через несколько километров следы проводницы окончательно затерялись. Лев порядком замёрз, однако замеченный Петром указатель с надписью «Этнографический музей Василёво» придал ему сил. Идти оставалось не так уж и много. Поток машин увеличился. По небу, как серая краска из опрокинутого ведра, разлились сизые утренние сумер-

ки. Стало немного светлее, но кружащиеся в воздухе хлопья снега всё равно мешали обзору.

Перебежав трассу, Пётр и Лев зашагали к нужному повороту, прошли мимо небольшой деревушки и выбрались прямо к этнографическому музею под открытым небом.

Вход им неожиданно преградили закрытые ворота и укрытая снежной шапкой будка кассира. Судя по расписанию, посетителей на территорию должны были начать пускать лишь через пару часов.

Под закрытым окошком, подтянув к груди ноги, сидела присыпанная снегом и порядком замёрзшая проводница.

Глава пятая.

Хранитель

Жанна дышала на раскрасневшиеся ладони и утирала сопливый нос.

– Мы снова встретились, голубушка! – радостно воскликнул Лев.

Девушка испуганно вздрогнула, высунула из-под капюшона лицо и с опаской оглядела двух незнакомцев, оказавшихся неожиданно близко.

– Не подходите! – взвизгнула она, быстро поднялась на ноги по стеночке отползла в сторону.

– Тише-тише! – Лев Николаевич выставил перед собой открытые ладони. – Мы не желаем вам никакого зла. Скажите, как вас зовут? Меня вот Лев Николаевич. А вас?

– Жанна...

– Жанна! Изумительное имя! Ваша тёзка, национальная героиня Франции Жанна д'Арк, между прочим, была девушкой исключительной смелости! Вам недостаёт её решимости.

Миролюбивый тон Льва отчего-то подействовал на проводницу неправильно.

– Я ничего не знаю о Библиотеке, я не знаю, как её найти! Не трогайте меня!

Археолог смиренно отступил на шаг.

– Как хотите, Жанна. Я лишь пытался помочь. Мы вот с Петром решили объединить усилия, чтобы достичь цели. Но это ваш выбор – играть в одиночку или с союзниками.

Пётр тем временем осматривал запертый забор. По всему выходило, что никакой охраны и людей вокруг не было. Он нашёл, за что зацепиться на ограде, и быстро забрался наверх, спрыгнув по ту сторону. Лев Николаевич, сунув портфель под мышку, с кряхтением рискнул повторить манёвр Петра. Когда он оседлал ограду, Жанна вдруг отмерла и окликнула археолога:

– Что вы делаете?

– Как «что»? Отправляемся на поиски второй книги.

– Но ведь билеты... Касса откроется через пару часов...

– Голубушка, так и околеть недолго. Музей не разорится от парочки безбилетников. – С этими словами Лев Николаевич ухнул и спрыгнул вниз, исчезая из поля зрения проводницы.

Думала она в этот раз недолго. Через несколько секунд Пётр и Лев услышали её натужное сопение. Девушка, путаясь в длинном пуховике, целеустремлённо лезла через забор. И даже позволила себе помочь, когда спускалась на ту сторону. Лев Николаевич ей ласково улыбнулся:

– Может, я был не так уж и прав на ваш счёт. Решимости вам не занимать!

Жанна тихонько улыбнулась в ответ и поправила капю-

шон.

– Вы знаете, есть ещё один человек, который охотится за следующей книгой, – призналась проводница. – Он выглядит довольно опасным типом. Бывший заключённый. Убийца.

– Это нехорошо, – нахмурился Лев. – Однако, если мы будем держаться вместе, то сможем дать отпор даже такому отбросу общества.

Пётр с досадой глянул на археолога, услышав его последние слова и приняв их на свой счёт, но смолчал.

Жанна мудро предпочла общество двух нейтрально настроенных к ней спутников одинокому ожиданию у закрытой кассы. Хотя след от удавки на горле Петра донельзя её настораживал.

Следуя по узкой никем не расчищенной с утра тропе вдоль голых деревьев, облепленных снегом, вскоре трое путников вышли к старому каменному флигелю, затем увидели маленькую деревянную часовню – очередную достопримечательность музея. И почти сразу Жанна дрожащим пальчиком указала вперёд, воскликнув:

– Это он!

Пётр и Лев и сами уже заметили старинный пятиарочный Валунный мост, сложенный из потемневших округлых камней. Мрачные соединённые цепями глыбы, установленные вдоль бортов, служили оградой, а внизу, скованная льдом, дремала неширокая речка.

Но палец Жанны был наставлен вовсе не на сам мост, а

на того, кто сидел неподалёку, на деревянной скамейке, и задумчиво выпускал изо рта сигаретный дым, разглядывая троицу путников.

– Так и знал, что ты сюда притащишься, кукла, – вместо приветствия проворчал Эдик. – Ни одна баба не упустит возможности подставить мужика и прибрать себе все его денежки.

Жанна боязливо спряталась за спины спутников, хотя Лев Николаевич сам с большой опаской поглядывал на крепкого коренастого мужика, который явно мог одним ударом легко отправить в нокаут любого. Один Пётр молча и решительно подошёл к зэку:

– Найдётся сигарета?

Эдик молча поделился куревом и огнём. Висельник с наслаждением затянулся, выдохнул дым, а после протянул руку:

– Пётр.

– Мор, – назвал свою кличку Эдик, пожимая ладонь. – Откуда у тебя эта полоса на горле?

– Хотел свести счёты с жизнью.

– Походу, жизнь решила иначе, да? – усмехнулся Мор. – А тут ты что забыл, висельник?

Эдик выпустил струю густого дыма в сторону Петра. Выглядело это угрожающе.

– То же, что и ты. Ищу Библиотеку.

– Зар-раза, – негромко проворчал Мор. – Я и не думал,

что Баран половине Китая о своём тайнике с деньгами расскажет...

– Я тут не ради денег, – сипло ответил Пётр и затаился.

– Как и я! – нашёл в себе смелость вмешаться в диалог Лев Николаевич.

– И я... – тихонько пикнула Жанна из-за спины археолога.

Эдик обвёл их всех недобрым взглядом исподлобья.

– Тогда, если кто-то из вас возьмёт хоть копейку из моих денег в этом тайнике, я разможу ему башку. Все меня слышали? Ты, висельник? Очкарик? Кукла?

Не дожидаясь ответа, Мор выбросил бычок в сугроб, закинул на плечо спортивную сумку и первым шагнул к Валунному мосту. Переглянувшись, оставшаяся троица быстро последовала за ним, держа небольшую дистанцию.

Каменный мост был укрыт сплошным покровом мерцающего снега, и Эдику пришлось протаптывать тропу, чтобы добраться до середины. В тусклых утренних сумерках бесконечно падавшие с неба снежинки казались хлопьями пепла. И траурная тишина безлюдного пейзажа только усиливала это ощущение.

Остановившись в центре моста, Мор нетерпеливо огляделся. Вокруг не было ничего, похожего на горы денег или хотя бы очередную книгу с подсказками.

– Смотрите! Там!.. – подала голос Жанна, уставившись на другую сторону моста.

В загустившем воздухе ткалась темнота.словно чёрный

туман рождался из ниоткуда и становился всё плотнее и плотнее. Он ещё не оформился во что-то материальное, а на девственной белизне снега уже проступили чёткие отпечатки босых ног. Они неторопливо двинулись в сторону четвёрки путников. И чем ближе становились следы, тем стремительнее густел чернильный туман.

Пока на середине моста не остановилась вполне осязаемая фигура, закутанная в истрёпанное развевающееся рубище. Тёмные спутанные волосы обрамляли пугающее лицо, покрытое трещинами, которое узнал каждый из искателей.

– Проклятье!.. – с ужасом воскликнул Лев Николаевич, хватаясь за голову.

Другие со смесью страха и неверия взирали на явившегося им призрака. Теперь, когда он был так близко, неживое бледное лицо казалось гипсовым оттиском, которое пересекала паутина глубоких чёрных трещин. А когда жуткий дух заговорил, не вздрогнул лишь Мор:

– Убирайтесь отсюда!

Голос его казался пронзительным ржавым скрежетом, расколовшим тишину предрассветной мглы на части.

– Кто ты такой? – прищурившись, спросил Эдик, сжимая и разжимая кулаки.

Призрак ответил не сразу.

– Хранитель.

– Мы пришли сюда, согласно указаниям книги, – нерешительно подала голос Жанна. – Мы ступаем по пути, ведуще-

му в Библиотеку Желаний. И здесь нас должна ждать вторая книга...

– Я. Сказал. Убирайтесь! Прочь! Вон отсюда! – неожиданно взревел дух в ответ на слова проводницы. Девушка замолчала и испуганно отшатнулась за спину Петра.

Висельник приблизился к хранителю, поравнявшись с застывшим в ступоре Эдиком. Нечто, похожее на азарт завладело им, и оттеснило страх.

– Не знаю, кто ты или что ты такое, человек или призрак. Но раз ты так яростно защищаешь Библиотеку, мешая нам пройти, значит, она и впрямь существует. И всё, что сказано в книге Начала о её возможностях – правда... Она исполнит любые желания.

Хранитель повернул в сторону висельника выщербленное временем лицо.

– Никто не войдёт в Библиотеку.

– Я бы с тобой поспорил, урод, – отмерев, проговорил Мор, поднимая кулаки. – Или ты скажешь мне сейчас, как найти эту чёртовую вторую книгу, или я тебя размажу по мосту тонким слоем.

Эдик выразительно хрустнул суставами, но едва ли хранителя подобное испугало. Он отступил в сторону, к одному из скреплённых цепью оградительных валунов. Легко, будто игрушку, сдвинул неподъёмный камень с места и достал из открывшегося тайника книгу. Похожую на книгу Начала как две капли воды. С той разницей, что здесь на обложке вились

ЗОЛОТЫЕ ИЗЯЩНЫЕ БУКВЫ.

Выбор

– Это она! – воскликнул Лев, бросившись мимо всех к хранителю. Он протянул руку, чтобы схватить желанный фолиант в коричневой коже, но Мор грубо сжал его плечо.

– Куда это ты прёшь, очкарик? Это я заберу книгу!

Эдик отпихнул археолога в сторону, но хранитель неожиданно проскрежетал:

– Вы – глупцы, которые не знают, что ищут. Откажитесь от своего пути, забудьте всё, что слышали о Библиотеке, и будете вознаграждены.

Вытянув вперёд свободную руку с чёрными кончиками пальцев и жёлтыми ногтями, духдохнул на неё морозным облаком. И на бледной коже засверкала россыпь драгоценных камней самой разной огранки: рубины, сапфиры, алмазы и изумруды. Они переливались будто снежинки под солнечными лучами, и взгляды всех собравшихся невольно остановились на этой горке, обещавшей безбедную жизнь каждому, кто выберет её, а не книгу.

– Деньги ничего не значат. Я пришёл сюда не за ними, – сипло прошептал Пётр и поднял взгляд на хранителя. Отчего-то висельнику показалось, что в безжизненных глазах призрака с гипсовым лицом блеснул неприкрытый гнев.

– Верно! – жарко поддержал его осмелевший Лев Нико-

лаевич. – Я тоже! Я жажду отыскать саму Библиотеку!

Жанна несколько секунд разглядывала переливавшуюся горку камней, но и она, сглотнув наполнившую рот слюну, прошептала:

– Молодость и красоту за деньги я смогу купить на время, а Библиотека подарит мне их навсегда. – Вскинув голову, девушка решительно посмотрела на хранителя, сделав свой выбор.

И вот Мор остался последним, кто не дал ответа. Он напряжённо застыл перед призраком, переводя взгляд с драгоценностей на вторую книгу и обратно.

– К чёрту все эти условности! – воскликнул он наконец. – Я возьму и то и то! Эти деньги мои по праву! Баран дохрена мне задолжал!

Уверенный в собственной силе, он протянул руку, надеясь заграбастать книгу. И с удивлением проследил за тем, как его правая кисть с влажным шлепком отпадает от запястья, разрезанная на десятки частей. Она упала, рассыпавшись грудой мяса, а Мор растерянно уставился на остаток руки. Из него толчками выходила густая багряная кровь, оседавшая на снегу каплями рубинов и сверкавшая куда ярче драгоценных камней. И только тогда Эдик в ужасе вскрикнул, отшатнулся и инстинктивно зажал кровоточащую рану.

Никто не успел заметить, в какой момент хранитель успел отрубить бывшему зэку кисть, никто не видел движения, никто не углядел оружия. Смертоносная фигура призрака с

книгой в одной руке и камнями в другой всё так же неподвижно высилась посередине моста.

– Моя рука! Моя рука! – истошно надрывался Эдик, пока кровь без остановки сочилась на снег, пропитывала одежду и веером брызг разлеталась повсюду.

– Нельзя идти одновременно двумя путями, – проскрежетал хранитель.

– Ты ёбаный псих! Ты отрубил мне руку! Я тебя убью, кем бы ты, блядь, там ни был!

По-звериному оскалившись, Мор выхватил из-за голенища кирзового сапога выкидной нож, готовясь вспороть противнику горло. И вдруг остановился, с ужасом глядя в глаза хранителю. В этом взгляде плескалась жидкая сталь, поусторонняя злоба и обещание мучительной боли – ничего человеческого там не присутствовало. В душе Эдика что-то оборвалось. Он понял, что сейчас не справится с призраком, даже если очень захочет, даже если они все вчетвером захотят. И в нём медленно истаяла надежда на то, что Библиотека была тайником Барана. Он, сам не ведая, ввязался в охоту за чем-то куда более древним, опасным и загадочным. И осознал это только теперь.

– Я заберу книгу, – тяжело дыша и убирая нож обратно, произнёс Мор. – Гора драгоценных камней ведь куда лучше жалкой горсти, да? А эта чёртова Библиотека, походу, может дать мне тысячу таких гор...

Хранитель сердито блеснул глазами.

– Вы все сделали неправильный выбор.

Он растворился в воздухе, как тени ночного кошмара, спугнутого утренним светом. Лишь на снег перед четвёркой искателей упала книга Выбора. Книга продолжения пути.

Глава шестая.

Книга Выбора

Мор туго бинтовал запястье разорванной на тряпки запасной футболкой. Боль была дикой – словно руку опустили в чан с кипятком и до сих пор там держали. Никто ему помогать не стал: все сгрудились возле книги и жарко обсуждали случившееся.

– Почему вторая книга всего одна? – никак не могла взять в толк Жанна, поправляя светлые кудри. – Ведь книга Начала у каждого своя! Как мы будем её делить?

– Книга Начала привела всех нас в одно место, к началу пути, – сипло высказался Пётр, крутя в пальцах бычок давно выкуренной сигареты. – Дальше дорога одна.

– Значит, мы будем искать Библиотеку вместе? – спросила проводница.

– В этом есть смысл! – просиял Лев Николаевич, подняв книгу и отряхнув от налипшего снега. – Вместе мы добьёмся большего. Полностью поддерживаю этот вариант!

Пётр и Жанна не без любопытства взглянули через плечо археолога на полученную книгу. Когда Лев нетерпеливо её открыл, все трое вскрикнули и дёрнулись от резкой боли в левой руке. На указательном пальце каждого из них просту-

пил уродливый шрам в виде двойки. Археолог запричитал, рухнул на колени и сунул горящую от боли кисть в сугроб.

Мор в это время наклонился и отобрал у Льва Николаевича книгу. Мгновенно и на его уцелевшей руке возник красный светящийся шрам.

– Выходит, книг будет пять, – пришёл к выводу Пётр, задумчиво разглядывая свою кисть.

– Немало, – сквозь сжатые зубы прошипел Лев, недовольно поглядывая на Эдика, прибравшего себе книгу Выбора и невозмутимо её листавшего.

– *«Дорога ведёт тебя, путник, к Смердячьему озеру, озеру без дна. Там ждёт третья книга, что откроет путь дальше»*, – без выражения зачитал Мор, закрыл книжку и бросил в руки Жанне. Та чисто рефлекторно её поймала и прижала к груди. – Что за озеро?

– Хм. Думаю, мне доводилось о нём слышать, – неожиданно припомнил Лев Николаевич, почесав переносицу под очками. – Озеро лежит рядом с древним урочищем Шушмор. Известное место и оваянное всякой мистикой, которую выдумывают местные.

– Например? – шепнула Жанна.

– Например, что у озера нет дна. И что оно идеально круглым стало из-за падения метеорита тысячи лет назад. И что как-то под воду там ушла целая церковь с молившимся в ней дьячком.

Жанна затрепетала, сжимая книгу. Мор скривился от оче-

редного приступа боли в запястье. Один Пётр молча отвернулся и зашагал прочь с моста, и остальные потянулись за ним.

Снег падал с прохуdivшихся небес, как мука через сито. Казалось, весь мир вокруг превратился в белую долину, где правят холод и уныние. Солнце уже взошло, но едва ли стало светлее: небосвод сменил один серый оттенок на другой – разница была не особенно заметна.

До городского вокзала добрались быстро. Лев знал, куда им надо, а Жанна подсказала, как именно туда можно доехать на электричках. Мор всё больше молчал, раздумывая над тем, как поиски тайника с деньгами превратились в мистический поход за какой-то Библиотекой Желаний.

Пётр же только стрелял у Эдика сигареты и сосредоточенно курил до самой Москвы. Там была их последняя пересадка. Ехать оставалось около трёх часов, и все уже порядком устали после целого дня в дороге.

Поезд попался старый, в тамбуре явственно воняло мочой и спиртом. А у самых дверей на сиденье растянулся бомж. Пассажиров в вагоне потому было немного, и четверо путников заняли места в середине. Утомлённая Жанна сразу прислонилась головой к окну и заснула, даже дребезжание стекла ей не помешало. Лев Николаевич же без усталости читал книгу Выбора с горящими глазами, будто там была описана вся истина этого мира. Продрогший до костей Мор, стараясь не тревожить изувеченную руку, рылся в сумке в поисках че-

го-то. Один Пётр угрюмо пялился в тёмное окно, пока Эдик не отвлёк его:

– Эй, висельник, будешь?

В левой руке Мор держал самокрутку с коноплём и табаком, судя по стойкому запаху.

Пётр сглотнул. В горле назойливо засвербело.

– Ну? Будешь или нет?

– Нет.

– Зря. Хорошая дурь, успокаивает нервишки. То, что нужно сейчас.

Щёлкнув зажигалкой, Мор подпалил косяк, и по вагону поплыла сладковатая вонь марихуаны. Пётр снова отвернулся к окну и стал дышать через раз, чтобы не сорваться. Лев Николаевич же недовольно замахал рукой перед носом, пытаясь разогнать дым, и брякнул:

– Прекратите курить! Мы же в поезде!

– В поезде курить нельзя... – сонно отозвалась Жанна, не просыпаясь.

– Мне насрать, – спокойно заметил Мор и глубоко затянулся. – Ты лучше скажи, очкарик, вычитал что-то полезное? Или очередная бестолковая книжка?

– Да вы что! Тут столько всего!.. Например, тут сказано, что эта Библиотека Желаний не связана с физическим миром, потому отыскать её не так просто. Якобы она находится на другом астральном плане, и единственный ключ к ней – собрать все пять книг пути, получить их метки и таким об-

разом открыть дверь.

– Какую дверь? – пожевав губами, спросил Мор.

– Ещё не узнал, – ответил археолог. – Потому и прошу не отвлекать меня.

Он опять с головой погрузился в чтение, а Эдик презрительно поднял верхнюю губу.

– Сплошная муть, – буркнул он. – Ещё этот хранитель хренов...

– Ему явно не хочется никого из нас пропускать к Библиотеке, – негромко заметил Пётр.

– Было бы там, в книжках этих, сказано, как ему башку свернуть, так я бы давно уже это сделал, – продолжил ворчать Мор, выпуская дым из лёгких. – Этот тип заплатит за то, что отрезал мне руку. Я этого не забуду...

Мор всё продолжал бурчать, но постепенно для Петра голос зэка утонул в мягких волнах спокойствия. Дым конопля был всюду, как вязкий кисель. Несколько пассажиров поспешили покинуть вагон, и соседей почти не осталось. Пётр чувствовал, как язык приклеился к нёбу, ему страшно хотелось пить, и он залип на затылок сидевшего впереди невозмутимого пассажира. Он так долго пилил его взглядом, не в силах сосредоточиться ни на чём другом, что совсем не удивился, когда пассажир решил обернуться к беспокойной компании. Его голова медленно стала поворачиваться, до тех пор, когда с щелчком не остановилась на затылке.

На Петра смотрело лицо хранителя. Смотрело с немым

осуждением в безжизненном сером взгляде. А после его губы беззвучно зашевелились, и висельник разобрал одно повторяемое слово:

– *Отступи.*

Хранитель шептал его вновь и вновь, пока из приоткрытого рта не полилась чёрная густая жидкость. Липкой кляксой она стекла на подбородок, по горлу, полилась на сиденье, измазав спящую Жанну. Чёрная нефть всё прибывала, ручейками сбегая на пол, её становилось больше с каждым мгновением, и Пётр сам не заметил, как в вагоне погас свет – осталась мерцать единственная лампа над головой. А непрозрачная жижа заполнила собой вагон, поднялась до уровня сидений.

Люди словно не замечали творившегося вокруг них. Даже Лев и Мор сидели смирно.

Один Пётр видел, как нефть залилась Жанне в рот и утащила её вниз. Кудри блондинки исчезли под чёрной водой вместе с последними пузырями воздуха. Так же случилось и с Львом, и с Мором, и с последними пассажирами, даже с бомжом. Чернила обступили их со всех сторон, покрыли тело чёрной плёнкой и затянули на глубину.

В тряском вагоне электрички в тусклом ореоле последней работающей лампочки остался висельник, шепчущий хранитель и океан черноты.

– *Отступи, отступи, отступи...* – повторяли губы на растрескавшемся лице.

И когда боявшемуся даже шелохнуться Петру стало казаться, что в его голове нет уже ничего, кроме шёпота хранителя, всё пропало.

Он вздрогнул и огляделся.

В поезде всё было по-прежнему: редкие пассажиры, висящий под потолком белый дым, дремлющая Жанна и ровный свет. Пётр сглотнул. Затылок пассажира впереди выглядел снова как обыкновенный затылок.

Только назойливое слово «отступи» из головы никуда не делось.

Глава седьмая.

Пустоши

Они сошли на платформе «Туголесье», когда уже наступил тёмный зимний вечер. Дорога заняла весь день. Позёвывая и потягиваясь, путники огляделись. Но кроме пустой станции и безмолвного леса кругом не было ничего.

– Далеко до этого озера? – спросил Мор. Его колотила крупная дрожь, которую он всячески старался скрыть от спутников. Едва флёр мягкой безмятежности, навеянный каннабисом, развеялся, боль в руке стала просто нестерпимой.

– Когда я смотрела по картам, то отсюда напрямик через лес было километров двадцать пять, – сказала Жанна, уткнувшись носом в телефон и что-то там разглядывая. – Но сейчас сеть вообще не ловит. У меня не грузятся карты ни в какую.

– Просто, блядь, супер... – проворчал Эдик.

– Голубушка, зачем же вы смотрели путь через лес? – удивился Лев Николаевич. – Как же мы пойдём зимой через лес двадцать с лишним километров пешком? Ещё и в ночь! Это ведь абсурд!

– Ну... как же... Я думала...

– Бестолковая кукла, – злобно произнёс сквозь сжатые зубы Мор. – От тебя нет никакого толку!

Жанна вздрогнула и с опаской поглядела на Эдика. Тот был бледен и крайне рассержен. Ему явно не терпелось на ком-нибудь выместить гнев. А Жанна идеально подходила для этой роли.

– Вон какая-то дорога, – прервал их Пётр, указав рукой на восток. – Пойдём по ней.

– Но ведь нам нужно не туда... – сбивчиво возразила Жанна, убирая бесполезный телефон в сумочку. Её никто слушать не стал. Кроме этой единственной расчищенной дороги других в округе не имелось. И четверо путников зашагали по ней вдоль лесного массива.

Под ногами поскрипывал свежий снег, и этот пронзительный звук эхом отражался от тёмного частотола деревьев, обступившего дорогу со всех сторон. Ни указателей, ни связи, ни живых людей кругом. Железная дорога давно вильнула на юг и исчезла, фонарей тут отродясь не было, и через какое-то время Лев Николаевич первым рискнул предположить:

– Мы, кажется, забрели не туда... Гляньте, тут совсем ничего нет.

– Это что же, нам придётся ночевать в лесу с волками? – проблеяла Жанна, распахнув глаза. Из головы у неё никак не шёл рассказ зэка о бывших приятелях, оставленных им в зимнем лесу на съедение волкам. Неужели, её тоже ждала подобная печальная участь?

– Заткнитесь оба и шагайте бодрее, – грубо оборвал их Мор.

Через четверть часа позади раздался шум автомобиля. Из темноты показались два горящих жёлтых глаза, и Мор, мгновенно сориентировавшись, выскочил на середину дороги, перекрывая путь. Перед ним затормозил старенький уазик, серый головастик с затянутым чёрным тентом кузовом. С водительского места выглянул худосочный небритый мужичок в кепке.

– Эй, вы кто такие? Неместные, что ли?

– Неместные. Брат, подвези хоть куда, а то мы скоро околеем, – искренне попросил Эдик.

– А вам куда надо? – спросил водитель, сдвинув кепку на затылок.

– Вообще на Смердячье озеро, – влез Лев Николаевич, прикрывая глаза рукой от света фар. – Но нам бы где-нибудь переночевать. Так что любой посёлок сойдёт.

– Ага, – глубокомысленно изрёк водитель. – Ну я в Пустоши еду, тут недалеко. Если на водку подкинете, то подберу вас. А если ещё и на табачок отстегнёте, то пущу в дом переночевать.

Условия были щедрыми. Отказываться никто и не думал. Мужчины забрались в кузов, устроившись на коробках, Жанну посадили в кабину к водителю, и тот без усталости всю дорогу до посёлка выпытывал у проводницы, кто они такие и что им среди зимы понадобилось на Чёртовом озере, как

звали его местные.

– Ты знаешь, сколько там народа каждый год пропадает, мм? – крутя баранку, трещал мужичок. – Рыбаки, грибники, охотники – даже бывалые люди уходят туда и не возвращаются. А уж сколько приезжих в последние годы повадилось туда таскаться – страсть как много! И обязательно кто-нибудь да утонет, либо в болотах сгинет, либо заблудится и не выйдет. Говорят, там мыслить по-иному начинаешь. Это озеро, оно как-то на мозги капает, разум наизнанку выворачивает...

– Так мы как раз и едем его изучить, – придав себе важный вид, ответила Жанна. – Мы – журналисты. Хотим осмотреть это ваше знаменитое озеро, выяснить, что правда, а что нет. Потом статью выпустим...

Жанна была крайне довольна собственной находчивостью.

– Тебе это не нужно.

– Как это, «не нужно»? – горячо возразила проводница. – Я, может, хочу прославиться своей статьёй на всю страну!

– *Тебе это не нужно*, – повторил водитель, но голос его отчего-то стал скрежещущим и скрипучим, как заевшие механизмы.

Жанна удивлённо дёрнулась и повернулась к водителю. Вместо небритого мужичка там сидел хранитель, обернув к ней жуткое лицо. Тени в кабине сгустились, весь мир вокруг словно перестал существовать – осталась лишь испуганная

Жанна и жестокий призрак. Даже грузовик, казалось, завис в пространстве, не двигаясь.

– Поверни назад. Не ищи Библиотеку.

– Нет, – собрав всю волю в кулак, прошептала Жанна. – Я найду её. Я попрошу вечную молодость и красоту. Библиотека может мне их дать.

Глаза хранителя тускло блеснули. Белые губы сжались, и он презрительно выдохнул:

– Ты ошибаешься. Ты ступаешь по гибельному пути на поводу у своей дурачности и своей жалкой смехотворной мечты, как пустоголовое дитя.

На глазах Жанны навернулись слёзы обиды. Дурочкой её называли и прежде, но едва ли кто-нибудь раньше смел приносить её желание. Её сокровенную мечту, усладу её сердца, вдруг втоптали в грязь и в открытую посмеялись над ней.

Она сморгнула слёзы, и хранитель пропал, будто мираж. Вместо него вновь за рулём сидел сухонький водитель. Уазик подпрыгнул на незримой кочке, кузов трянуло, и оттуда послышались сдавленные ругательства Мора.

– ...Говорю тебе, девушка, это озеро нахрен вам всем не сдалось! – припечатал водитель.

«А может, и правда?..» – мелькнула тихая мысль в голове Жанны, но она решила обдумать её позднее.

Вскоре показался посёлок со странным названием Пустоши, спрятанный в гуще заснеженного леса. Домов было немного, две с половиной улицы и старое здание школы – вот

и всё. Водитель представился Матвеем и предложил неожиданным гостям переночевать в его доме. В старой избе, где с былых времён сохранилась кирпичная печка, было тесно. Матвей жил бобылём, за порядком особо не следил, так что гнилые деревянные полы так и ходили со скрипом под ногами, а с потолка через щели сыпалась пыль с чердака.

Но выбирать не приходилось. Каждый устроился на ночь, где нашлось место. Кто на просевшем диване, кто в облюбованном мышами кресле. Мор же не мог нормально спать из-за боли в руке. Зато под бутылочку беленькой и казанок отварной картошки, он душевно посидел с Матвеем, а уже поздно ночью, когда хозяин ушёл в сортир, заметил на подоконнике просроченную и покрытую пылью пачку Промедола с соблазнительной надписью «анальгезирующее». Закинув в себя пару таблеток, Мор прикарманил упаковку. Боль вскоре отступила под действием лекарства, и Эдик мгновенно вырубился прямо за столом от усталости.

Ранним утром Матвей растолкал всех гостей и, дыша на них перегаром, сказал собираться. Он подбросил их до Бакшеево, ближайшего посёлка у Чёртова озера. Дальше нормальной дороги не было, только занесённая снегом грунтовка. Высадив помятых и невыспавшихся путников на границе посёлка, Матвей неопределённо махнул рукой в сторону леса и сказал, что до озера идти пять километров. И на этом они распрощались.

Морозная утренняя свежесть, чистое голубое небо и хо-

лодное зимнее солнце скорее раздражали, чем радовали глаз. Особенно когда предлагалось разглядывать их не из тёплого уютного дома через заиндевевшее окно, а слоняясь по лесу, чувствуя, как кожу щиплет безжалостный мороз.

Путники дрожали и мёрзли, растирая то уши, то пальцы, то бёдра. Жанна и вовсе готова была выть от досады: на таком морозе её подкаченные красивые губы растрескались, и под рукой не оказалось никакого бальзама. Что уж было говорить о запахе пота, о спутанных волосах, которые негде было помыть и уложить за последние пару дней. Она даже не хотела смотреть на себя в отражение зеркала или телефона, чтобы не расстраиваться. Долгая дорога, испытания, кошмарные галлюцинации и урывочный сон превратили её в отёкшую, неухоженную мымру.

Спустя час блужданий по лесу Жанна серьёзно было готова расплакаться. Останавливало её лишь то, что на таком холоде длинные ресницы непременно бы склеились от слёз и замёрзли, что окончательно сделало бы из неё чучело.

Жанне отчаянно хотелось домой, в тепло своей квартирки. Принять горячую ванну с пеной, скрабами, масками для лица. Сделать кофе с корицей, включить приятную комедию по телевизору и потом заснуть на удобной мягкой кровати в объятьях пышного одеяла. Она не хотела больше пробираться сквозь глубокие сугробы, спать в вонючей электричке или на разваливающемся диване, голодать и чувствовать, как пальцы на ногах немеют от холода.

Впервые Жанна серьёзно задумалась, что хранитель прав. Её мечта была как-то по-детски наивна, проста и глупа. И не стоило это всё таких вот мучений. Она ведь была красива и так. И ещё лет десять, а при должном уходе и все пятнадцать, могла сохранять свою красоту. Пусть без показов мод, конкурсов и фотосессий. Но многие мужчины ведь и без того считали её милой куколкой...

– Что это там? Уж не наше ли озеро? – внезапно громко воскликнул Лев, прервав тягостные размышления Жанны. Она встрепенулась, и все мысли упорхнули на задворки сознания.

А впереди в самом деле расстилалось замёрзшее озеро. Идеально круглой формы, будто кто-то приложил к земле циркуль и вывел ровную фигуру. Скованное коркой льда, окружённое по берегам голыми островами берёз, Смердячье озеро дышало мертвенной тишиной.

Глава восьмая.

Озеро без дна

Всё вокруг казалось каким-то странным, неживым и словно бы нарисованным. Не было ни птиц, ни ветра, ни звуков – полный штиль. Даже снег под ногами перестал скрипеть. Только взволнованное дыхание четверых путников разносилось по льдистой поверхности озера, пока они медленно шагали к самому центру замёрзшего омута.

Лев первым заметил впереди идеально круглую прорубь. В толще припорошённого снегом льда без движения стояла непрозрачная чернильная вода, словно чёрное зеркало. Все по очереди заглянули в полынью, увидели там отражение собственного бледного лица и отступили.

– И что мы должны сделать, чтобы получить третью книгу? – задал вопрос в пустоту Пётр.

Пустота проскрежетала ему в ответ знакомым голосом:
– *Принести жертву.*

Все резко обернулись. За их спинами, как гипсовая статуя, укрытая чёрными тряпками, стоял хранитель.

– Раз вы не желаете отступать, то я заставлю вас понять всю серьёзность ситуации, я испытаю вас. Чтобы вы могли пройти дальше, должна пролиться чья-то кровь. Но хватит

ли вам твёрдости, чтобы лишить кого-нибудь жизни? Может, будет лучше всё же сойти с этого пути?..

Хранитель взглянул прямо в глаза Жанне, и проводница, сглотнув, спросила:

– Зачем это тебе? Зачем тебе нужна чья-то смерть?

– Вы все считаете эти поиски лишь забавной игрой. Я си-
люсь доказать обратное. В Библиотеке нет ни единой книги,
что не была бы написана кровью. Кровью таких, как вы. Ис-
кателей, путников, заплутавших душ. Что бы вы ни желали
– это блажь. А теперь ответьте мне, стоит ли ваша блажь чу-
жой жизни?..

Он истаял в воздухе облаком тумана, оставив стоять в
молчании четверых разных непохожих друга на друга людей,
у каждого из которых голова наполнилась своими мыслями и
страхами.

В душе Жанны появилось что-то, похожее на радость и
надежду. Она была уверена – теперь всё закончится. Ей бы-
ло совершенно очевидно, что никто не станет проходить это
бесчеловечное безумное испытание, все откажутся от книги
и разъедутся, наконец, по домам. Ей даже не было жаль по-
траченного времени. Она была почти счастлива...

...Когда её грубо толкнули в спину, сбрасывая в прорубь,
и обжигающе ледяная вода сомкнулась над головой траур-
ным покровом.

Пётр не видел, что случилось. Он задумчиво пялился себе
под ноги, размышляя над ситуацией, когда услышал рядом

плеск воды и сдавленный женский вскрик. В полынье барахталась Жанна, отчаянно пытаясь схватиться пальцами за лёд и раз за разом безуспешно соскальзывая обратно.

– Какого хера ты творишь, ебанат?!

Мор с неожиданной жестокостью схватил Льва за куртку и тряс его, как игрушку.

– Ты зачем её толкнул?!

– Мы заплатим за проход её жизнью! – иступлённо кричал археолог, пытаясь вывернуться из захвата зэка. – Она тут самое слабое звено! Лучше пусть она, чем кто-то из нас! А мы... Мы получим книгу и пройдем дальше!

– Да ты просто гниль...

Эдик с нескрываемым презрением оттолкнул Льва и отёр руку о дублёнку, будто испачкавшись. Он обернулся к проруби, где из последних сил плескалась Жанна. На грубом лице Мора тускло сверкнуло сожаление, но он даже не шелохнулся, чтобы помочь проводнице. Пётр стоял в паре шагов от него и тоже молча наблюдал за последними мгновениями чужой жизни.

Намокший пуховик тянул Жанну на дно, она цеплялась ногтями за лёд, срывая их, и оставляя кровавые полосы. Девушка пыталась кричать, но задыхалась, нахлебавшись студёной воды. Если бы кто-нибудь протянул руку, она бы выкарабкалась. Но самой ей было не под силу это сделать. Ноги свело судорогой, Жанна бросила последний отчаянный взгляд на троицу застывших мужчин, и медленно ушла под

воду. Прощальная стайка пузырей вырвалась к поверхности.

В толще смолистой воды виднелось красивое женское лицо, устремлённое к небу. Безжизненные глаза в обрамлении чёрных ресниц были широко распахнуты, кожа была бледна и чиста, как снег, а светлые волосы развевались под водой нежными волнами.

Она была чудо как красива в своей смерти. И ледяные воды Чёртова озера обещали надолго сохранить эту красоту и молодость.

Медленно тело исчезло во мраке, упокоившись в бездонной пропасти.

Никто из троих оставшихся искателей не смел отвести взгляд от проруби.

И вскоре к поверхности поднялась книга, на кожаной обложке которой было выжжено одно короткое слово.

Веха

Лев первым бросился к воде, рухнул на колени и дотянулся до третьей книги. Несмотря на влагу, фолиант ничуть не пострадал, страницы были сухи, и ровные строчки алых букв даже не поплыли. Археолог тихо охнул, когда на его среднем пальце с шипением появился новый шрам в виде цифры три.

Рука Мора легла на шею Льву всей тяжестью мироздания.

– Ты опять без спроса лезешь вперёд и хватаешь моё, а, очкарик?!

Археолог судорожно листал страницы, словно умалишённый, не обращая внимания, как сильно сжимали ему шею.

– Нашёл! Нашёл! Ещё одна книга. Она будет в подземельях... В подземельях Невьянска! Это город на Урале! Недалеко от Екатеринбурга...

Мор выдрал книгу из рук Льва, взгляделся в строки и удовлетворённо хмыкнул, когда и его палец прострелила знакомая жгучая боль.

– Не соврал, очкарик. А теперь будь пайнкой и скажи мне, где эти чёртовы подземелья там находятся. Ты ведь знаешь это, не так ли? Ты ведь всё у нас знаешь, умник.

Отшвырнув книгу подальше, Эдик крепче сжал шею археолога, заставляя того испуганно запричитывать:

– Я не знаю наверняка... Я лишь слышал о каких-то подземельях или подвалах под Невьянской башней!.. Только не бейте меня!..

Мор ухмыльнулся, отпустил шею бедолаги, а когда тот окончательно расслабился, так крепко врезал ему кулаком по уху, что subtilный археолог мгновенно отключился, рухнув на снег.

– Это тебе за куклу. Она хоть и дура душой была, но не заслужила такой смерти. И от рук такого подлеца. Утопил её, как котёнка несмышлёного. Лучше бы ты, блядь, сам в прорубь нырнул.

Развернувшись к Петру, всё это наблюдавшему с молчаливым безразличием, Мор предложил:

– С ним останешься или со мной поедешь?

Висельник прищурился и непримиримо скрестил руки на груди.

– Своей дорогой пойду.

– Катись.

Махнув единственной целой рукой, Мор потопал в сторону берега, выдыхая облака густого молочного пара. Пётр, дождавшись, когда зэк отойдёт подальше, быстро заглянул в книгу, полистав страницы, и вскоре тоже скрылся между деревьями, поглаживая новый шрам на пальце.

На льдистой глади Смердячьего озера остался лежать брошенный Лев Николаевич, так и не пришедший в сознание, и третья книга, оказавшаяся в полном его распоряжении.

Глава девятая.

Слабое звено

Когда роковые слова хранителя прозвучали над гладью зимнего озера, Лев Николаевич уже знал, кого выберут его спутники на роль жертвы. Ему всё было ясно как день.

Миловидную Жанну все бы пощадили, ведь она девушка, красивая девушка. Эта была та красота, которой проводница могла бесстыдно воспользоваться, чтобы сдвинуть стрелку мужского мнения в свою пользу.

Крепкий и коренастый зэк по кличке Мор даже без руки представлял опасного противника. Он бы никому не позволил себя убить. Скорее, сам порешил бы любого. Да и про нож забывать не следовало...

А этот странный молчаливый парень Пётр с синяком от удавки на шее был для Льва Николаевича тёмной лошадкой с туманным прошлым. Но и он не был обделён физически, мог за себя постоять. И отчего-то Лев не сомневался, что раз парень однажды почти убил себя, то убить другого человека ему едва ли было сложнее. Он не ценил свою жизнь, с чего бы ему ценить чужую?

Археолог уже чувствовал на себе звериные взгляды спутников. Он затылком видел, как тянулись к нему руки, гото-

вые столкнуть в ледяную воду. Лев был здесь самым тощим, самым слабым физически и невзрачным, а ещё – самым умным. А умных нигде и никогда не любили.

И он сделал единственное, что могло его спасти.

Когда Лев Николаевич пришёл в себя и поправил сбитые очки, вокруг никого не было. Неподалёку валялась раскрытая третья книга, в сторону леса убегали цепочки следов, а морозный ветер зло покалывал кожу. Тишина безжалостно давила на уши.

Прежде чем уйти с озера, археолог подошёл к проруби и взглянул в чёрное зеркало вод. Теперь, когда всё закончилось, ему не верилось, что он мог такое совершить – убить человека. Словно это сделал вовсе и не он, словно это зов Библиотеки затуманил разум на мгновение. Либо всё это было кошмаром, и он непременно должен был вот-вот проснуться.

В воде появился пузырь и быстро всплыл к поверхности. Следом за ним возник ещё один, и ещё, пока их не стало слишком много, а вся гладь не пошла рябью. Следом в толще тёмных вод вдруг показалось что-то белое. Оно медленно поднималось из глубины, и Лев сосредоточенно и боязливо наблюдал за этим неясным явлением.

Пока не стали различимы светлые волосы, пока на белом пятне не проступили очертания знакомого лица, а из воды не высунулись тонкие женские пальцы с обломками ногтей. Мёртвая Жанна поднялась из пучины, из стылой могилы,

с укором взирая на своего убийцу.

– **Ты. Виновен. Ты. Убийца,** – едва слышно прошептали сизые губы. И каждое слово сопровождалось неприятным бульканьем в лёгких.

Упав на зад, испуганный Лев Николаевич с ужасом пялился на утопленницу, которая выглядывала из проруби. В её волосах запутались зелёные водоросли, кожа стала неестественно белого цвета с синеватыми пятнами, а мутные глаза были подёрнуты сеткой лопнувших сосудов.

– **Ты. Убил. Меня.**

Пальцы мёртвой девушки с неожиданной силой вонзились в лёд, и она выкарабкалась из проруби, замерев на краю. Ручьи воды хлынули вниз с её одежды, волосы обвисли мокрой паклей, а Жанна пустыми глазами пялилась на дрожавшего археолога.

– **Я. Заберу. Тебя. С собой.**

Она медленно двинулась к убийце, с трудом переставляя окостеневшие ноги. И только тогда Лев Николаевич отмер, с воплем вскочил и бросился бежать прочь, не разбирая дороги. Но сколько он ни оглядывался, далеко позади всё равно медленно и неумолимо плелась его смерть. Неживая Жанна, двигаясь, как фарфоровая кукла без шарниров, шла за археологом через пустынный лес до самого посёлка.

Но и там Лев продолжал чувствовать на себе её холодный взгляд. А позднее, когда он добрался до железнодорожной станции, звук неторопливых неуклюжих шагов всё время чу-

дился ему в отдалении. На каждом перроне и платформе Лев Николаевич нервно выискивал среди пассажиров знакомую фигуру и шарахался от любой проводницы, что ему попадалась, как от огня.

Все сутки в плацкарте до Урала археолог провёл без сна. Раньше он был уверен, что его преследовало проклятье хакасского кургана. Теперь он был убеждён, что за ним охотилась мстительная душа утопленницы. Но отступить было поздно – он прошёл половину пути к Библиотеке. Желанная цель уже маячила на горизонте, обещая славу и признание.

Библиотека была его личной затерянной Атлантидой.

Археологическая находка подобного масштаба, окружённая мистическим ореолом, переписала бы человеческую историю. И именно Лев стал бы основоположником концепции нового мироздания. Нужно было лишь загнать страх поглубже и идти вперёд, несмотря ни на что.

За несколько часов до прибытия на вокзал одного из старейших городов Урала, Невьянска, Лев Николаевич всё же провалился в зыбкую дрёму. Всю дорогу он провёл в обнимку с третьей книгой. Жёлтые страницы рассказывали, сколько раз за свою историю Библиотека горела, тонула, сколько раз её разрушали до основания и засыпали землёй. И каждый раз Библиотека возрождалась из пепла, восстанавливалась и пополнялась благодаря искателям, шедшим на её зов. Библиотека была вечна, Библиотека была бессмертна, пока существовали люди и их вожаемые недостижимые мечты.

Лев трепетал от одной мысли о скорой встрече с ожившей легендой. И с этими вдохновенными думами он и заснул, привалившись спиной к стенке своей нижней боковой полки. Мимо сновали люди с чаем и заваренной лапшой быстрого приготовления, бегали шумные дети, за окном пронеслись укрытые снегом холмы и горы. Поезд мягко покачивался и баюкал Льва.

Разбудила его холодная сырость и отчётливый запах тинной застоявшейся воды.

Кап-кап.

На лицо ему скользнули ледяные капли влаги, и Лев распахнул глаза. Он крепко задремал и сполз вниз, вытянувшись на нижней полке. А теперь над ним, таким беззащитным и сонным, нависала тёмная фигура Жанны, неясно как проникшей в едущий поезд.

Утопленница склонилась к лицу археолога, будто желая его поцеловать мертвенными холодными губами, и капли озёрной воды срывались с её волос и одежды прямо на очки и щёки Льва, словно это были слёзы.

Кап-кап.

В мутных застывших глазах проводницы не были ни жизни, ни сожаления.

– **Мне так... Холодно**, – прошептала Жанна, и по её губам стёк тонкий ручеек чёрной воды.

Лев взвизгнул и ужом выскользнул из-под утопленницы. Он побежал по проходу прочь из вагона, не оборачиваясь и

лова на себе взгляды изумлённых пассажиров. Выскочив в тамбур, он захлопнул дверь, привалившись к ней спиной и трусливо по-заячьи дрожа.

В дверь сразу заколотили, задёргали ручку. Лев, кусая губы, упёрся всем телом в холодную поверхность металла, не пуская настойчивую утопленницу в тамбур.

– Кто там балуется?! Откройте дверь немедленно! – строго закричали мужским голосом с той стороны. И Лев отмер. В тамбур сразу ввалился лысеющий мужик с сигаретой в зубах.

– Вроде бы взрослый человек, а такой хернёй маетесь! Как дитя малое! – упрекнул пассажир археолога и нетерпеливо закурил, отвернувшись к окну.

Лев Николаевич заглянул в вагон. Утопленница исчезла. Он боязливо вернулся на своё место. Возле полки на полу остались мокрые следы, и в воздухе пахло сыростью.

На вокзал Невьянска Лев выскочил самым первым. Тинный запах преследовал его неумолимо. Выяснив дорогу, археолог быстро добрался до главной достопримечательности города – Невьянской наклонной башни. Белокаменная красавица встретила его молчаливым величием старины. Возле нижнего яруса толпой послушных утят за экскурсоводом следовали посетители, щёлкая фотоаппаратами и разглядывая зарешеченные окошки башни.

Лев проскочил мимо них к зданию музея и отыскал внутри кассу. Похожая на расплывшуюся жабу кассирша косо на

него поглядела, стоило заговорить о цели визита:

– Мне необходим пропуск в подвалы башни, голубушка, – ласково попросил Лев Николаевич, пригладив волосы. – Я доктор исторических наук, археолог. Здесь проездом и хотел бросить взгляд на ваши знаменитые подвалы. Мои коллеги столько о них рассказывали, просто грешно будет не посетить.

– Что у вас за коллеги такие необразованные? – презрительно процедила жаба. – Общеизвестный факт, что у нашей Невьянской башни нет и никогда не было своих подвалов, иначе её строительство было бы невозможным. Под землёй только сваи и фундамент! Те подвалы, о которых любят травить байки наши экскурсоводы, – это подземелья бывших демидовских хором, что стояли прежде у башни. Теперь от зданий ничего не осталось, только эти подземелья, так до конца и не раскопанные и не исследованные...

– Так вот мне туда и надо! – прервал женщину Лев Николаевич, всей грудью подавшись к окошку кассы. – Это я просто перепутал. Мне в эти подземелья как раз и надо заглянуть. Оформите пропуск?

– Давайте открытый лист и оформлю.

– Голубушка, ну какой открытый лист? – деланно изумился Лев. – Я ведь не на раскопки туда собираюсь. А так, осмотреться на четверть часа...

– Меня не волнует. Дайте открытый лист на исследование объекта, и я вас пропущу, – упорствовала жаба.

– Ну дорогая моя, ну сокровище вы моё расчудесное. Ну сделайте одолжение, я вас прошу!

Лев прижал руку к сердцу и с такой нежностью посмотрел на эту строгую женщину, что она заёрзала на стуле от смущения. А после поджала подкрашенные губы и проворчала:

– Как вас там зовут, говорите?

– Лев Николаевич Хоробов! – с готовностью ответил археолог, улыбаясь.

Кассирша принялась быстро-быстро печатать в старом компьютере, а после её пальцы вдруг замерли над клавиатурой.

– А смотрите, какие тут о вас любопытные вещи сказаны. «На заседании диссертационный совет принял решение лишить Хоробова Льва Николаевича учёной степени доктора исторических наук в связи с неоднократным незаконным изъятием археологических предметов из мест официальных раскопок». Так вы никакой не археолог уже. Вы чёрный копатель, расхититель.

– Ложь! – яростно оборвал её Лев. – Я археолог! Я историк! Я доктор наук! Их решение ничего не доказывает и ничего не значит!

Жаба удивлённо вскинула брови от такого тона. Редкие посетители в здании музея тоже обернулись на шум, но Льва это не волновало. Его нервы окончательно сдали. И так последние несколько дней выдались нелёгкими, а тут ещё ему в лицо тыкали несправедливыми обвинениями прошлого.

– Я изучаю историю, я знаю её досконально, я открою миру новую эру исторических находок! И никто больше не посмеет сомневаться в моём призвании! Я – величайший из археологов!

Кассирша потянулась к телефону, чтобы незаметно вызвать охрану, но Лев Николаевич обжёг её горящим взглядом и бросился прочь из музея. Жаба покачала головой ему вослед.

Лев рисковал, но другого варианта не было. После объяснений кассирши отыскать за территорией музея демидовские подвалы оказалось просто. За башней располагалась широкая огороженная территория, где лежали руины господского дома, а, вернее, лишь жалкие груды камней, едва выглядывавшие из-под снега. Лев Николаевич видел следы работы здесь археологов: с лета и осени остались стоять тенты. Под одним из них в земле зиял обрамлённый кирпичом разлом, из которого отчётливо смердело подвальной сыростью и затхлостью. Археологический нюх подсказал Льву, что он на верном пути.

Не раздумывая ни минуты, он уверенно полез в темноту.

Глава десятая.

Подземелья

Лев Николаевич и не предполагал, что подземелья окажутся такими огромными и запутанными. Если бы не фонарик, всегда лежавший в его портфеле, то блуждать в темноте по этим катакомбам можно было бы пару суток.

Тесные кирпичные подвалы с низкими сводами лабиринтом разбегались в разные стороны. Многие ходы были разрушены и погребены под завалами земли. Где-то видны были следы недавних раскопок – отдельные пути удалось восстановить. Лев Николаевич с азартом опытного археолога пробирался всё дальше и дальше, касаясь рукой влажных стен и постоянно прислушиваясь к тишине. Её нарушал едва уловимый капающий звук вдалеке.

Где здесь могла таиться четвёртая книга, Лев даже не предполагал.

Пару раз он заходил в тупики, тщательно осматривал старинную кладку и угрюмо продолжал путь. Судя по протяжённости катакомб, они вполне могли пролегать под всем городом. Выстроив в голове карту, Лев Николаевич упорно ей следовал, методично обшаривая подземелья, но никакого результата не было, и это не на шутку злило археолога.

Расшатывая кирпичи и оглядывая поеденные временем куски стен в поисках незамеченного прохода, Лев слишком поздно обратил внимание на то, что едва уловимое капанье воды вдруг стало сильно ближе. Лишь когда к нему присоединились чьи-то нетвёрдые шаги, археолог вздрогнул и отвлёкся.

Ему показалось, что эти шаги он уже слышал день назад, в пустом лесу, пока бежал прочь от озера. А за ним тогда медленно волочился живой труп.

Шаги стали громче, капли воды были слышны всё отчётливее.

По затылку Льва пробежала волна мурашек.

В темноте заброшенных катакомб где-то неподалёку блуждала утопленница.

Сглотнув, археолог посветил фонариком по сторонам и двинулся вдоль ближайшей стены. Шаги стали ближе и будто ускорились. Лев не выдержал и побежал. Преследовавший его мертвец тоже побежал, и темноту подземелья огласило торопливое шарканье.

– Прочь от меня! – взвизгнул Лев Николаевич и нырнул за первый попавшийся угол.

Утопленница была совсем близко. Ноздрей археолога коснулся тошнотворный запах тины.

Он так неистово бросился от неё бежать, что в мельтешащем свете фонаря не разглядел впереди перекрывавшее путь деревянное заграждение и врезался в него пушечным ядром.

Взметнулось облако пыли, дерево с хрустом проломилось, а за ним оказалась пустота.

Отплёвываясь и кашляя, Лев пробрался дальше по обломкам заграждения и оказался в подтопленном коридоре, который явно перекрыли из-за просочившихся грунтовых вод.

Шлёпая по мокрому полу, археолог двинулся дальше, постоянно оборачиваясь и прислушиваясь. Но шаги утопленницы затихли, она отстала.

Лев пролез под низкими деревянными перекрытиями, чуть не поскользнулся на обросших мхом влажных кирпичках и неожиданно вышел в тесную комнатку, где потолки позволяли выпрямиться в полный рост, что археолог с наслаждением и сделал.

Луч фонаря вдруг отразился в чём-то блестящем, и Лев разглядел, что посередине пустой подземной комнатки было установлено высокое зеркало в старинной латунной раме, покрытой налётом патины.

Лев подошёл ближе и осветил отражение. Из чёрной глади зеркала на археолога смотрела его собственная копия. Только она была в разы, в разы уродливее Льва Николаевича.

Сгорбленный слабый старик с трясущейся нижней челюстью, весь покрытый язвами и гноящимися коростами. Плешивый и полуслепой, он неотрывно смотрел на Льва и в точности копировал каждое движение. И руки у отражения были по локоть выпачканы в свежей крови.

– Молодая девочка, красавица... Она могла бы ещё жить

да жить. А я её убил, – прошамкал отвратительный старик.

– Что?.. – выдохнул Лев.

– Она мне доверяла. Пошла с нами к озеру, как невинный агнец. А я толкнул её в прорубь... Что же я наделал? Как до такого дошло?

– Но если бы я этого не сделал, то убили бы меня, – жалобно произнёс Лев Николаевич, не в силах перестать разглядывать собственное отражение. А оно в ответ на его слова внезапно преобразилось: у старика раскрылось на лице больше язв, появились гниющие раны, стали слезать ногти.

– *Всё могло быть совсем иначе. Нельзя преждевременно делать выводы о поступках других людей, которые они ещё даже не совершили... Они могли отказаться от испытания... Могли уйти. Я бы выжил, Жанна бы выжила...*

– Это враньё! – отчаянно воскликнул Лев, не сводя пристальный взгляд с отражения, будто спорил он вовсе не с самим собой. – Они все хотели от меня избавиться! Все презирали и смотрели свысока! Я был идеальной жертвой, но я изменил ситуацию в свою пользу!

– *Ах, сколько ошибок... Вся моя жизнь – это одна большая сплошная ошибка. Чужая погубленная душа, моё запятнанное имя, карьера, судьба!.. Весь мой путь усеян ошибками.*

– Это неправда, неправда! – кричал Лев Николаевич. Отражение тоже продалось вперёд, и стали видны чёрные сгнившие зубы, между которыми ползали черви. С каждым

мгновением облик отражения менялся, неуловимо становясь всё мрачнее, гадливее и мерзче. Он начал разлагаться заживо, распадаться на клочки плоти, как разбухший труп.

– Я отвратителен сам себе. Я ненавижу себя. Я – гниль на теле земли, мне нет здесь места.

– Ты – не я! – вопил археолог, и его звонкий голос эхом отражался от стен тесной комнатки. – Я не такой! Ты – чудовище! Убийца! Вор! Лицемер! Тебя не должно существовать!

Лев Николаевич резко выбросил вперёд руку со сжатым фонариком, впечатывая её в зеркало. С хрустом лопнула гладкая чёрная поверхность, распавшись сотней осколков. Они разлетелись в стороны, усеяв пол блестящей крошкой.

– От своей сути не так-то просто избавиться, – раздался старческий голос из-за спины Льва, и тот нервно обернулся, подсвечивая темноту фонариком.

Сзади стояло уже не отражение – реальность. Отвратительный старик, так похожий на Льва, немощно трясся и поглядывал на двойника. С пальцев на пол срывались капли крови. Его глаз вдруг надулся и лопнул с противным звуком «чпок», а по очкам и щеке стекла гниlostная масса.

– Ты мне омерзителен, – процедил археолог, медленно поднимая с пола крупный осколок зеркала. И после бросился вперёд, выставив перед собой блестящее острие, чтобы через миг оно вонзилось в серое горло двойника, и из раны хлынула гниль вперемешку со страшным зловонием.

Эдик слабо помнил, как именно он добрался от озера до города Невьянска. В памяти мельтешили чужие лица, поезда, здания и станции. Зверски болела правая рука, культя зарастать не желала: кожа вокруг раны отекала, покраснела и горела огнём. Но Мор всё откладывал на потом: сперва – Библиотека, а уж затем остальное, когда он, наконец, получит свои деньги. Раздувшуюся культю он не трогал, только бездумно глотал Промедол, лишь бы заглушить боль. Но с каждой новой таблеткой разум его становился всё мягче, словно тающее на солнце мороженое.

Стоя у Невьянской башни, он уже не осознавал, кто он такой, где он и куда идёт. Тело было ватным, безмерно клонило в сон, и в голове не удерживалось ни единой мысли. В реальность его вернул знакомый кожаный портфель, на миг мелькнувший в толпе туристов. Мор пригляделся к спине удалявшегося археолога и понемногу вспомнил, что именно он забыл в этом городе...

Проследовать за Львом не составило труда – тот нёсся вперёд, сквозь толпу прохожих, будто за ним гнались дикие псы. А после того, как очкарик спустился в катакомбы, Эдик выждал у входа четверть часа, выкурив пару сигарет и немного приходя в себя, а после тоже полез во мрак.

Под землёй звуки разносились далеко: был слышен и отда-

лѐнный топот археолога, и его сдавленное бормотание. Подсвечивая путь телефоном, зэк блуждал по тесным проходам, пытаясь отыскать верный, пока коридоры не огласил звонкий выкрик и звон разбившегося стекла. Мор поспешил на голос и вскоре вышел к странной небольшой комнатке, где на полу валялась бесформенная груда тряпья.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что груда была безжизненным телом археолога с точащим осколком стекла в горле и застывшими глазами. Он лежал в луже собственной крови и по всему выходило, что заколол себя сам.

Мор удивился увиденному. Откуда Лев взял этот осколок, если крутом не было ничего разбитого? Лишь посередине комнаты стояло старинное зеркало с гладкой чёрной поверхностью, в котором отражался замерший на месте Эдик. Труп, лежавший у его ног, видно не было.

Он втянул носом густой подвальный воздух и подступил к зеркалу, вглядываясь в себя самого.

Глава одиннадцатая.

Книга Оборота

Через несколько часов на автовокзале города Невьянска из битком забитого автобуса выбрался Пётр, почёсывая подживавший след на горле. Подметив первый же магазинчик поблизости, он шагнул в его тепло и сразу поморщился от резанувшего по ушам стрёкота маленького телевизора. Пока продавщица, одним глазом посматривая на экран, искала для Петра сигареты, он тоже невольно уставился в телевизор.

Диктор новостей с серьёзнейшим видом вещал о безуспешных поисках группы из пятерых пропавших без вести мужчин. Полиция просила граждан сообщить любую имеющуюся у них информацию. По предварительным данным, мужчины были похищены, а единственным подозреваемым числился Эдуард Иннокентьев, бывший тюремный заключённый.

На экран вывели фотографию Мора, объявленного полицией в розыск. Пётр внимательно оглядел это знакомое грубое лицо, заплатил продавщице и, забрав сигареты, вышел на мороз.

Невьянская башня встретила его боем часов. Внимательно обойдя её по кругу, Пётр заметил группу туристов и

незаметно в неё влился. Экскурсовод, молодая студентка с горящими глазами, жарко и увлечённо рассказывала об уникальном сооружении, о его секретах и тайных комнатах, а потом принялась травить страшные байки о знаменитых затопленных подвалах.

– Неужели это всё правда? – Пётр задал вопрос из толпы, спрятавшись за чужой спиной.

– Конечно, нет, – улыбнувшись, ответила экскурсовод. – Под башней ничего нет. Но на месте бывших господских хором, которые когда-то стояли вон там, был найден вход в разветвлённую систему подземных тоннелей, где, по слухам...

Дальше Пётр слушать не стал. Незаметно выскользнул из толпы и зашагал в указанную девушкой сторону. Пробравшись на огороженную территорию и заметив две свежие цепочки следов на снегу, висельник, усмехнувшись, пошёл по ним. Кажется, его знакомым удалось быстрее добраться до четвёртой книги.

Нырнув в темноту сырых подземных тоннелей, Пётр, подсвечивая путь телефоном, двинулся вперёд. Это место нещадно давило ему на голову тишиной, затаившимися в углах тенями и низкими потолками. Стоило подумать, сколько тон земли и кирпича могло в любое мгновение свалиться ему на макушку, если не выдержат древние перекрытия, и хотелось сбежать оттуда поскорее. Но четвёртой книги нигде не было видно, как и Мора с археологом. А Пётр не сомневался, что они ещё были здесь, ведь обратных цепочек сле-

дов на снегу не имелось.

Вскоре его слуха достиг тихий свистящий звук. Он был чужероден в этих подземельях настолько, насколько вообще в заброшенных старинных тоннелях мог быть чужероден храп. Висельник вскоре вышел в небольшую комнатку, откуда храп и доносился.

На полу у стены в забытии лежал Мор. Пётр его окликнул, но зэк даже не дёрнулся. Прикоснувшись к его целой руке, висельник удивлённо вздёрнул бровь: Мор сгорал в чудовищной лихорадке, его кожа была готова вот-вот треснуть от внутреннего жара. И этот непробудный сон явно был следствием крайнего истощения сил.

Другой спящий оказался мертвецом с торчащим из горла осколком. Пётр без особенной жалости поглядел на археолога, которого, видимо, заколол вспылчивый и быстрый на расправу зэк.

Что ж... Где здесь могла быть четвёртая книга?

Ни у кого из мёртвых и живых её не нашлось. Тогда Пётр решил осмотреть высокое зеркало, установленное посередине комнаты, от которого он неосознанно отводил взгляд всё время, пока тут блуждал.

В ровной блестящей поверхности отразился Пётр. Но другой. Не тот, кем он был сейчас, а тот, кем он был когда-то.

Высохший высокий парень с обтянутыми кожей костями. Его впалые щёки, покрытые белой плёнкой растрескавшиеся губы и мутные красные глаза заставили Петра крепко зажму-

риться, в надежде, что ему просто померещилось. Но нет, когда он вновь взглянул на зеркало, отражение не изменилось: из-за стеклянной грани на висельника смотрел законченный наркоман. Он трясся и едва стоял на ногах. Бледное лицо было покрыто тёмно-коричневыми пятнами, а на запястьях и предплечьях просматривались синяки и следы от инъекций.

– *Они все считают меня отбросом,* – хрипло заговорил двойник в зеркале, из-за чего Пётр испуганно втянул носом воздух. – *Думают, что мне нет места в этом мире, и что меня уже ничто не спасёт. Я потерян для общества, для своей семьи...*

Пётр молча закусил губу.

– *Эти их взгляды... Они меня убивают, разъедают изнутри хуже дезоморфина. Мне кажется, будь их воля – они бы давно придушили меня ночью и закопали, лишь бы забыть поскорее.*

Отражение тяжело и сипло вздохнуло, а воздух наполнился отчётливым запахом табака.

– *И они правы. Мне не выбраться из этой ямы. Сколько бы я ни пытался, каждый раз ждёт очередное сокрушительное падение вниз. За срывом будет новый срыв. Этого не избежать.*

– Это не так, – тихо произнёс Пётр, сглотнув. – Ты знаешь, что это не так. Плевать, что думают все остальные, плевать, что им кажется и как они к тебе относятся. Был тот единственный, кто не сомневался в тебе ни мгновения, кто

верил, что ты сможешь выбраться из ямы и забыть всё это дерьмо. Отец никогда не оставлял надежды. Он всегда был рядом после срывов, выхаживал во время ломки...

– *А теперь он мёртв, – безжалостно закончило отражение. – И больше никто не поможет.*

– Нет. Он остался со мной. Я знаю. Он всегда обещал быть рядом. И я чувствую, как он незримо следит за мной.

– *Это не спасёт... Я снова сорвусь. Снова буду валяться в наркотическом угаре в каком-нибудь притоне. И теперь никто не придёт меня оттуда вытаскать.*

– Так не будет. Я справлюсь сам. Отец говорил, что я могу справиться со всем. Что я поборю свои зависимости. И я ему верю.

– *Нет! Нет! Вся моя надежда разрушится, стоит достать дозу! Я не совладаю, я поддамся! Потому что я слабак и всегда им был! Несамостоятельный презираемый всеми неудачник!*

– Мне жаль тебя. И прости, что это именно я с тобой сотворил. Я стану лучше. Я буду твёрже. Я никогда не забуду всего, что сделал для меня отец, и буду следовать его заветам...

Отражение вдруг дрогнуло и пошло складками, словно водная гладь. Двойник отступил на шаг, затем ещё на шаг и ещё. Он молча отходил до тех пор, пока его фигура не стала едва заметной точкой в чёрных глубинах зеркала, а потом и вовсе исчезла. На её месте из мрака отражения выткалась

книга. Она потянулась вперёд, стала проступать из зеркала, и чёрные блестящие капли расплавленного стекла срывались на пол с обложки.

Пётр подхватил четвёртую книгу, когда она окончательно просочилась сквозь зеркальную грань.

Оборот

Название мерцало стеклянной пылью с обложки. Пётр раскрыл книгу, перетерпел мгновения жгучей боли, когда безымянный палец изуродовал новый шрам. Предпоследний шрам. Оставалось отыскать всего одну книгу, что привела бы его к дверям заветной Библиотеки.

Пётр листал жёлтые старинные страницы, по диагонали читая текст на них. Четвёртая книга рассказывала, что путь в Библиотеку был так долог и нелёгок, чтобы желания искателя созрели и оформились, настоялись, как изысканное вино. Лишь пройдя этот путь, люди всерьёз осознавали, что именно они желали сильнее всего на свете, что они по-настоящему хотели заполучить или исполнить. И Библиотека была готова дать им нужные знания.

Ближе к концу Пётр нашёл указание, где дожидалась путника последняя книга. Её предлагалось искать в Отраде, старинной усадьбе известного рода графов Орловых. Где конкретно располагалось имение, книга, как и все книги до неё, не уточняла. Пётр не без раздражения её захлопнул и бросил

на пол.

От этого звонкого хлопка неожиданно проснулся Мор. Он дёрнулся, завозился на полу и уставился мутным взглядом на Петра.

– И ты здесь... – пересохшими губами прошептал Эдик, щурясь от света фонарика.

– Я уже ухожу.

– Постой! – Мор с трудом поднялся на локтях и поморщился от боли. – Ты нашёл четвёртую книгу?

– Да.

– Где? Где она?..

Пётр молча толкнул ногой книгу в сторону зэка. Тот дрожащими пальцами открыл её, скривился от возникшего на коже нового шрама, стал листать страницы, но быстро сдался.

– Где будет лежать последняя, пятая книга?

– В какой-то усадьбе Орловых с названием Отрада.

– Где это?

– Без понятия. Лев Николаевич бы подсказал, но ты его зарезал, – сухо ответил Пётр.

Мор кинул взгляд на тело археолога, нахмурился и пробормотал:

– Это был не я. Он сам себя порешил. Я нашёл только его тело. Я не убийца.

– А как же те пятеро пропавших, которых ты похитил и куда-то дел, а теперь по всем каналам о тебе и них трезвонит

полиция?

Пожевав губы, Мор шумно выдохнул и сказал:

– Я их не убивал. Отвёз в лес и там оставил. Они меня подставили, в тюрьгу отправили, я лишь хотел поквитаться. Но я их не убивал.

Пётр неопределённо фыркнул на это заявление.

– Можешь мне не верить, висельник. Но я тебя как человека прошу, помоги мне. Я на ногах еле стою. Не бросай меня тут, околевать в этом собачьем холоде. Дай оклематься и добраться до Библиотеки. Тут ведь всего ничего осталось, возьми на буксир, а? А то мне так херово, что едва языком двигать могу...

Мор сполз обратно на пол, уткнувшись головой в свою сумку. Пётр окинул его внимательным взглядом. Помогать эку ему не очень хотелось, особенно, когда в его мотивах он был совершенно не уверен. Но Эдик впервые выглядел таким уязвимым и слабым, что Пётр невольно сжалился. Он приблизился, присел рядом и оттянул нижнее веко Мора.

– Ты какой дряни нажрался?

– Не знаю. Просто таблетки от боли, – Эдик пошевелился из достал из кармана почти закончившуюся пачку.

– Это же Промедол, – удивился Пётр. – Сильный опиат. Ты где его достал?

– Да где-то достал...

– Ты подсел. Выбрасывай это дерьмо, иначе хуже будет.

– Не могу. Рука пиздец болит. Только эти колёса и спаса-

ют.

Мор протянул культю висельнику. Тот поморщился от гадкого запаха гноя и отвернулся.

– Тебе в больницу надо.

– Меня менты сразу загребут. Похер на руку. Нужно сперва попасть в Библиотеку. Потом уже хоть в гроб, хоть за решётку.

– Да ты свихнулся.

– Говори, что хочешь, но дотащи меня до Библиотеки, висельник. Я ещё не поквитался с этим пристукнутым на всю голову хранителем. Этот хер должен поплатиться за мою руку...

Мор закашлялся и его вырвало желчью. Сердце у Петра сжалось. Он вспомнил, как сам валялся на полу вонючих притонов в луже своей и чужой блевотины, не желая отказываться от очередной дозы наркоты. А отец силой его оттуда выволакивал.

Мор выглядел так же. И ему ещё можно было помочь.

Подхватив зэка под руки, висельник поднял его с пола, позволил на себя опереться, и так они медленно зашагали к выходу из подземелья, оставив за спиной чёрный омут зеркала, ничего больше не отражавшего, и остывшее тело Льва Николаевича в луже крови.

Глава двенадцатая.

Отрада

Две тысячи километров до последней книги. Их легко можно было бы преодолеть за несколько часов на самолёте. Пётр мог позволить себе билет, Мор – нет. Его разыскивали, и любое мелькание паспорта на железнодорожном вокзале или в аэропорту было нежелательно. Соблазн отказать Морю в помощи и первым добраться до пятой книги, а там и до Библиотеки, грыз висельника изнутри, но тот ему не поддавался. Неправильно бросать страждущего.

На дряхлом междугороднем автобусе они добрались до Екатеринбурга. Там Пётр заскочил в аптеку, купил лекарств, бинтов и аскорбинок. Мор, покрытый испариной и бледный донельзя, позволил перевязать гноящуюся руку, принял жаропонижающее, а когда зэк задремал, Пётр подменил таблетки в блистере Промедола на безобидные аскорбинки.

День неумолимо клонился к вечеру. На Екатеринбург опускался ранний зимний полумрак, и бродить по улицам становилось холодно. Пётр чудом поймал попутку на выезде из города: беззубый дед пообещал подкинуть их почти до самой Перми, особенно если они оплатят ему бензин. Дедок слушал радио и курил, как паровоз, изредка рассказывая

байки из своей долгой жизни. Пётр был вынужден их слушать, а Мор принял очередную порцию таблеток и быстро заснул, проспав всю дорогу.

Высадили их в пригороде. Вдалеке, за снежными равнинами, виднелись домики дачных посёлков. Мор, рассеянный и заспанный, пошарил по карманам и чертыхнулся:

– Вот зараза. Курево кончилось. А у меня ни шиша за душой нет, чтобы купить.

Пётр, без энтузиазма озиравшийся по сторонам, достал из кармана последнюю пачку и протянул зэку.

– А ты чего, не будешь, что ли? – удивился Эдик и ловко засунул одной рукой сигарету в зубы.

– Да чего-то не тянет. Этот дед в машине всё так продымил, что я насквозь его Примой прокоптился.

Мор фыркнул и поджёг сигарету. Некоторое время они молча шли вдоль трассы, голосуя каждой проезжающей машине, по желающим посреди ночи взять в попутчики подозрительных мужиков не находилось. Мор держался не особенно бодро, хмурился и то и дело морщился. А скоро в очередной раз отправил в рот таблетку.

– Ты часто жрёшь эту дрянь, – скосив на него глаза, сказал Пётр.

– Ну так всё хуже помогает. А рука пиздец ноет, как будто кости выкручивают... Хорошо хоть жар спал.

Скоро они доплелись до дешёвого мотеля посреди трассы. На стоянке было множество грузовиков, и толпа дальнобой-

щиков курила у входа в мотель, шумно разговаривая. Пётр вклинился в толпу, наврал с три короба, и нашёл водителя, который отправлялся в Казань и мог взять пассажиров.

Весёлый и глуповатый мужичок с пивным брюшком пообещал, что к утру они будут в Казани. И если первый час он ещё пытался разговорить смурных спутников, в надежде, что они будут его развлекать всю дорогу болтовнёй, то вскоре махнул на них рукой. Сменщика у него не было, с компанией ему не повезло, так что дальнбойщик устался в маленький экранчик смартфона, прилепленного к стеклу, и с головой нырнул в сюжет криминального сериала.

Пётр и Мор разомлели в тепле салона и задремали. Висельник проснулся ближе к семи утра, хмуро глянул в окно – небо даже не начало светлеть. Всё тело затекло и противно ныло. Рядом заворочался Мор и недовольно скосил на него глаза.

– Проснулся, наконец.

– А ты сам давно не спишь? – зевнув, спросил Пётр.

– Давно. От боли вообще глаз не сомкнул. Так подремал чутка. Ещё две таблетки сожрал, а они, походу, совсем действовать перестали.

Пётр заметил, что Мор стал выглядеть бодрее, бледность сошла с лица. И хотя он по-прежнему терзался болью, а лихорадку сдерживали лишь таблетки, но зато из организма медленно и неумолимо выводился опиат.

Мор с мученическим вздохом поглядел в окно, где в пе-

пельных предрассветных сумерках чёрной полосой тянулась нескончаемая дорога.

– Долго ещё?

Пётр пожал плечами, поймал взглядом пронёсшийся мимо дорожный знак и наугад шепнул:

– Час-два. Но после Казани ещё хреначить и хреначить.

– Хуёво. Что-то я уже не уверен, что дотяну.

– Обидно сдаваться в самом конце, когда до цели рукой подать.

– Ты прав. Но хер пойми, что нас ждёт у этой пятой книги. Может, там очередное испытание этого чёртового хранителя. Какое-нибудь дерьмо, лишь бы не подпустить нас к книге.

Пётр поймал в лобовом стекле отражение глаз Мора.

– Я, кстати, со вчера всё спросить хотел. Что ты видел в том зеркале в подzemелье?..

– Да ничего такого. – Мор машинально передёрнул плечами и сразу поморщился от новой волны боли в руке. – Себя и видел. Но мне так херово тогда было, что, когда моё собственное отражение со мной заговорило, я подумал, ну всё, блядь, глюки начались, скоро помирать. И даже не понял, когда упал и вырубился.

– Хм. Понятно.

– А ты что, там что-то необычное видел? – заинтересовался Мор.

– Да нет, тоже себя, – приглушённо ответил Пётр.

Водитель их услышал. Обрадованный, что его спутники

проснулись и разговорились, он живо вклинился в беседу с глупыми анекдотами. И до самой Казани Петру и Морю пришлось слушать бородатый одесский юмор.

Дальнобойщик высадил их в городе, небо к тому моменту окончательно посветлело. После первой попавшейся дешёвой столовой Мор совсем подобрел. Здесь, в Казани, у бывшего зэка нашёлся старый одноклассник, с которым Эдик вышел на контакт, занял у него денег и договорился о машине до самого Владимира.

Следующая половина дня опять прошла в дороге. Мор чувствовал себя лучше, но не переставал глотать замаскированные аскорбинки, а на любой остановке жадно курил. Пётр, напротив, дышал дымом, но сам покурить желания не испытывал. Ещё свеж был в его памяти образ двойника, который скалил покрытые налётом зубы, и от которого смердело сигаретами за версту, как от табачного завода.

Во Владимире была очередная пересадка. Зад ныл от бесконечного сидения, но до усадьбы Отрада, судя по картам, оставалось всего ничего – пара сотен километров. К самой ночи они добрались до села Семёновское, возле которого и лежало старинное имение.

Пройдя мимо мавзолея-усыпальницы и проскользнув через покосившиеся ржавые ворота, Пётр и Мор вскоре увидели стоящую в руинах усадьбу. На чистом небе светил широкий полумесяц, и в этом бледном сиянии здание казалось сделанным из розового кирпича. Чёрные провалы одинако-

вых окон жадно смотрели на путников, а с разрушенной крыши раздавался тихий скрип – будто ветер мягко раскачивал одну из трухлявых балок.

– Красиво, хоть и жутковато, – признался Пётр.

– Ага. Давай быстрее внутрь.

С трудом прокладывая путь через сугробы, они приблизились с одному из окон первого этажа и друг за другом перебрались через подоконник внутрь. Висельник нетерпеливо включил фонарик на телефоне и осмотрелся. Они оказались в пустой комнатке с облупленными стенами и кирпичной крошкой, усеивавшей пол.

Пройдя дальше внутрь здания, они оглядели несколько залов. Всюду было одно и то же – разруха: из-под слоёв осыпавшейся краски выглядывал изъеденный временем кирпич, покрытый налётом зелёного мха; кое-где в углах виднелись обломки старинных печей с изразцами. От бывшего величия здесь остались редкие фрески на фризах, да гордое название – Отрада.

В центральном зале-ротонде Пётр увидел одиноко стоящий посередине постамент. На нём, хорошенько припорошённая пылью лежала книга. Сердце сделало в груди кульбит.

– Это она? —прошептал висельник, не веря. Мор его услышал, осветил фонариком на постамент, приблизился и сдул пыль с обложки.

– «Конец», – прочитал он. – Кажется, это правда она.

Мор взял телефон в зубы, а сам быстрее открыл книгу, листая желтоватые хрустящие страницы.

– Подожди, а где очередное испытание? – насторожился Пётр. – Или почему не явился этот призрачный хранитель? Почему всё так просто? Мы ещё ни разу книгу так легко не получали?

Эдик небрежно от него отмахнулся, а после ткнул пальцем в страницу. Висельник наклонился и прочитал: «Твой путь окончен, искатель. Войди же в Библиотеку. Её двери прямо перед тобой». Они синхронно вскинули головы. Впереди виднелись старинные деревянные двери: бледно-голубые, разохшиеся и с потемневшими от времени ручками. Белая лепнина, некогда их украшавшая, сохранилась плохо и в большинстве своём держалась на честном слове.

Пётр коснулся книги, полистал страницы, но на них текст был нечитаемым – лишь в начале ещё можно было разобрать отдельные слова. Висельника глодало дурное предчувствие.

– Ну, что ты копаешься? Идём! Мы у цели! Мы нашли её! – воскликнул Эдик, убирая телефон в карман и подходя к дверям. Он ласково погладил створки ладонью и толкнул их.

Двери медленно, с треском и поскрипыванием, открылись. А за ними раскинулась небольшая зала, заставленная длинными и высокими шкафами. В приглушённом свете старинных стеклянных фонарей поблёскивали корешками тысячи книг.

Глава тринадцатая.

Книга Конца

– Я это сделал, – пробормотал Мор, на дрожавших ногах переступая порог и бросая на пол истрепавшуюся спортивную сумку. – Я нашёл Библиотеку Желаний! Теперь я получу всё, что захочу! Теперь я получу весь мир!

Пётр переминался возле дверей, оглядывая лежавшее перед ним хранилище книг. Он представлял Библиотеку совсем другой. Колоссальнее, таинственнее, защищённее... Хотя даже здесь книг было столько, что не хватило бы и пары жизней всё прочесть.

Поколебавшись, Пётр всё же шагнул внутрь и медленно побрёл вдоль рядов. За спиной с тихим скрипом закрылись двери, но висельник не обратил на это внимания. Он видел, как иступлённый ликующий Мор впереди прыгал между шкафами хватая то одну, то другую книгу, рассовывая их по карманам, в подмышки, в зубы. Его глаза горели жадной жаждой знаний, о существовании которой он сам, наверное, никогда раньше не подозревал.

Пётр бросил взгляд на полки. Книги не имели названий, но висельник внезапно ощутил растущее желание взять и открыть хотя бы одну из них. Без разницы, какую. Всё его су-

щество твердило, что он должен немедленно схватить ближайшую книгу, распахнуть и углубиться в чтение. Что знания, сокрытые внутри, жаждали ему открыться.

Он не смог перебороть этот порыв: схватил одну книгу, потом другую, и уже сам не заметил, что он, точь-в-точь как Мор, принялся собирать шаткие стопки книг. А едва закончились силы их нести, он сгрудил кучу у ближайшего фонаря на полу, сел и жадно раскрыл первую.

В глазах у него помутилось. Текст расплывался и ускользал, в памяти оставались жалкие обрывки, но Пётр настойчиво продолжал читать, потому что чувствовал – так надо. Надо читать дальше, надо хватать книгу за книгой и поглощать их без промедления, без остановок.

Страницы шуршали под пальцами, чёрные размазанные буквы плясали перед глазами, водили чернильные хороводы, как маленькие неуловимые бесы. Пётр глотал их, не глядя, не воспринимая, не вникая. Он просто безудержно и необъяснимо упорно пялился в книги, быстро-быстро листая старинные жёлтые страницы. А если книга заканчивалась, он хватался за ближайшую и продолжал это безумное действие.

«...голые остовы ясеней, вязов и дубов...»

«...все законы написаны победителями и насильниками...»

«...Между обречённым гибели судном и расшвырянным морем...»

«...постепенно превращая их в пепел...»

«...человека как животного, о реффлексах, о биологии...»

Неподалёку пыхтел Мор, с таким же восторгом разглядывавший свои отобранные книги. Но Пётр не думал о бывшем соратнике, ему было абсолютно плевать на зэка, на его руку и зависимость от таблеток. Ему было плевать на погибших Льва и Жанну, на призрачного хранителя, что так давно не показывался, даже на собственного умершего отца Петру было плевать. Он не мог думать ни о чём, кроме книг. Книг.

Книг!

Время стало неважным. Чувства жажды и голода забились на самый край сознания и не казали носа. Был только Пётр и книги. Только он и чудовищное желание знаний. Знаний любых – истинных и ложных, запретных и доступных, фундаментальных и абстрактных.

Он утонул в этой библиотеке, утонул в её книгах и знаниях.

И его захлестнула волна абсолютной эйфории. Почти забытой, желанной до боли.

Когда закончился первый шкаф, он пополз дальше, свалил целую полку новых книг и вгрызся в них, не хуже червя. Он хватался пальцами за полки, подтягивая ослабевшее тело, стремясь дотянуться до новых книг, что так манили, так звали и умолял их открыть.

Сколько прошло часов, дней, недель, месяцев, вечностей – никто не знал. Пётр ощущал лишь, как нелегко ему стало ходить, сидеть и лежать. Даже дышать. Но разве это было

важно?

Всё изменилось в тот миг, когда он, силясь дотянуться до очередной книги рядом, вдруг поймал собственное отражение в стеклянной поверхности фонаря. На него глядел высушенный парень с возбуждённо блестящими глазами, на горле которого темнела полоса от удавки.

Петра будто огрели пыльным мешком по голове. Резко схлынул наркотический дурман.

Он поражённо провёл пальцами по горлу, ощупывая след от верёвки. И в памяти обрывками стали всплывать забытые воспоминания. О том, как он шагнул с табуретки. О смерти отца. О книге, ведущей в Библиотеку, что способна воскресить умершего...

Разум начал работать всё быстрее и быстрее: сцеплялись шестерёнки, крутились валы, шипели поршни. Пётр с усилием принял сидячее положение и быстро оглядел себя и пространство вокруг. Он напоминал живой труп в грязной одежде. Ощупал лицо – оно обросло бородой. Страшно хотелось пить и есть, желудок сводило так, словно он не питался неделю.

Как всё это было знакомо...

Выбравшись из горы книг, в которых он лежал, шатаясь, висельник побрёл вдоль шкафов, держась за них. Невдалеке нашёлся Мор. В таком же плачевном состоянии. Он лежал на полу у фонаря, с заметным трудом переворачивая страницы книги. И ни на что не реагировал.

Пётр присел, осмотрел товарища по несчастью и вздрогнул, когда заметил его культю. Та почернела. Из-под поражённой кожи сочилась сукровица, вперемишкку с гноем. Такое едва ли могло случиться с рукой за какой-нибудь день без лекарств. Значит, они провели в этой библиотеке не меньше недели...

Но едва ли это была та самая библиотека. Теперь, чем больше Пётр над этим думал, тем больше несовпадений подмечал. Их обманули. Это не Библиотека Желаний.

Размахнувшись, висельник отвесил Морю крепкую пощёчину и, пока тот отвлёкся, вырвал у него из рук книгу, отбросив подальше. Мор потянулся к новой, но Пётр отпихнул и её. Зэк, открывая и закрывая стянутый высохший рот в обрамлении густой щетины, ползал по полу, пытаясь добраться до любой книжки, но висельник упорно ему мешал.

– Давай, приходи в себя, Мор. Вспоминай, кто ты. Вспоминай своих дружков, которых ты в лесу оставил. Вспоминай хранителя, который тебе руку отрезал. Давай-давай.

Мор сглотнул. Тяжело и с усилием. Его затуманенный взгляд немного посветлел.

– Слушай меня, Мор. Нас одурачили, как младенцев. Это не та библиотека. Пятая книга была ловушкой – она заманила нас сюда, мы бы до самой смерти ползали тут и слюни пускали. Мор, ты слышишь? Книга не оставила у нас на руке пятой метки! А дверь в Библиотеку Желаний открывается лишь тому, у кого есть все пять меток о пройденном пути.

Мы должны отсюда выйти. Немедленно!

Он схватил Мора за воротник дублёнки и волоком потащил его в сторону дверей. Это было нелегко: зэк, по ощущениям, весил тонну. Но Пётр справился.

Однако двери не открывались. Выглядевшие хрупкими и древними, эти деревянные створки даже не шелохнулись, когда висельник со всей дури толкнул их ногой.

– Дерьмо! Заперли!

– Как же херово... – прошептал Мор, а потом заскулил от боли, прижимая к груди гниющую руку. Теперь Пётр был уверен, что к компаньону вернулось сознание.

– Нужно отсюда выбираться. Я не позволю этим книгам больше завладеть собой!

Висельник, мечась возле дверей, как загнанный зверь, вдруг бросил отчаянный взгляд на ближайший фонарь. За стеклом извивался язык пламени. И Пётр, схватив фонарь, с воплем разбил его о шкаф.

Книги занялись мгновенно. Бумага вспыхнула, и огонь с голодом накинулся на соседние полки, а там и на соседние шкафы. Через минуту запылала вся библиотека, к потолку потянулись рыжие языки пламени.

– Мы сгорим тут или задохнёмся, – прохрипел Мор.

Но огонь странным образом не трогал двух путников у дверей. Он пожирал книги и деревянную мебель, лизал потолок, а людей не касался. Библиотека сгорела чересчур быстро – не прошло и несколько минут, как в зале осталось чёр-

ное пепелище. Не было даже дыма. Словно природа этого огня была такой же необыкновенной, как и самих книг.

А в центре уничтоженной библиотеки прямо на полу лежала единственная неповреждённая книга. Пётр неуверенно приблизился и поднял её. На обложке углём было выведено слово:

Конец

– Постой! – окликнул висельника Мор. – А если это тоже ловушка? Если эта книга тоже не та?

– Не похоже.

Пётр открыл книгу Конца, и мизинец прожгло волной резкой боли. На страницах чёткие алые буквы поздравляли его с окончанием пути.

– Это она? – Приковыляв к висельнику, Мор заглянул в книгу, и его единственную руку тоже прострелило болью. – Да... Она.

На руке красным светом горели пять цифр.

«Это конец пути. Ты, достойнейший, войди же в Библиотеку Желаний. Ибо ждут тебя там несметные знания, что исполнят любые из твоих мечтаний. Не бойся желать, путник...»

– Как попасть в настоящую Библиотеку? – нетерпеливо спросил Мор.

– Тут сказано, что двери любой из библиотек мира спо-

собны открыться в Библиотеку Желаний. Достаточно приложить к ним руку с пятью метками пути.

– Это ведь тоже считается дверьми библиотеки, да? – Зэк вытянул чёрную культю в сторону деревянных створок, так и не выпустивших путников из зала.

– Ну-у. Думаю, что да.

Они нерешительно подошли к бледно-голубым дверям, оставляя за спиной пепелище и брошенную пятую книгу, ставшую совершенно бесполезной для них двоих.

– Мы точно хотим туда попасть? – без особенной уверенности в голосе спросил Пётр, поглядывая на Мора. Но он ответил ему тёмным сверлящим взглядом.

– Да. Я столько дерьма вытерпел не для того, чтобы сдрейфить на пороге. Эта Библиотека даст мне денег, вылечит эту чёртову руку, а ещё... ещё я отыщу этого сраного хранителя и заставлю его жрать собственные потроха. Мне кажется, что теперь именно это стало моим самым сокровенным желанием!

С этими словами Мор приложил раскрытую ладонь к створке двери. И Пётр молча последовал его примеру.

Двери раскрылись совершенно беззвучно. А за порогом стоял ослепительно-яркий золотистый свет, что лучился из стрельчатых окон, разливался по мраморному полу и мягко обтекал высокие резные шкафы – книжные шкафы – которым не было конца и края. Они тянулись вдаль до самого горизонта ровными рядами. А в воздухе порхала золотистая

пыль.

– **Я боялся этого и ждал. Но вы всё же нашли её...** –
эхом отразился от стен знакомый скрипучий голос, а из те-
ней выступила закутанная в чёрное одеяние фигура храни-
теля.

Глава четырнадцатая.

Библиотека Желаний

– Ты!.. – процедил сквозь сжатые зубы Мор и весь напряжился, будто готовясь к прыжку.

– Я не позволю вам пройти дальше, – медленно произнёс хранитель, делая шаг вперёд. – Лучше вам будет умереть от моих рук, чем подпитать её...

Последние слова он прошептал, но Пётр их услышал и нахмурился. Одному Морю было плевать, что там бормотал хранитель. Эдик достал выкидной нож из-за голенища кирзового сапога и наставил на фигуру в чёрном рубище.

– Ты заплатишь за мою руку. За всю ту боль, что мне пришлось из-за тебя пережить, ёбаный урод!

– Мор!.. – воскликнул Пётр, пытаясь его остановить.

– Не вмешивайся, висельник! – рыкнул Эдик и бросился на хранителя, как бык на мулету.

Пётр отступил к дверям Библиотеки, уже успевшим беззвучно закрыться. Он во все глаза наблюдал за развернувшейся перед ним схваткой. Мор, хотя и был истощён, а правая рука висела вдоль тела плетью, но решительность полыхала в его груди неугасимым огнём Александрийского маяка. Он делал короткие и резкие выпады, стремясь задеть

противника.

Хранитель выглядел неловким. Он пробовал уклоняться, но делал это неуклюже, то и дело врезаясь в шкафы и опрокидывая книги на пол. Словно его тело было окостеневшим, как у мертвеца. На растрескавшемся белом лице отражалось нечто похожее на безнадёжность, когда нож Мора раз за разом вспарывал чёрную хламиду, отрывая целые лоскуты.

Мор поймал соперника, сделав ложный выпад, и когда хранитель дёрнулся в нужную сторону, зэк глубоко полоснул его ножом по боку. На лезвии осталась кровь. Алая и горячая, как у всех живых существ.

– Это кровь! – шумно дыша, с ликованием воскликнул Мор. – Значит, ты – человек! Ты никакой не призрак! И, значит, тебя можно убить!

Этот простой вывод дал Эдику новые силы. Он так яростно и быстро набросился на противника, что зажимавший рану хранитель едва успел увернуться. Он достал из складок рубища явно старинный стилет с чёрной рукоятью, но не успел им воспользоваться – Мор сшиб его с ног, выбивая оружие. Зэк грубо повалил хранителя на пол и вонзил нож ему прямо в плечевой сустав, с наслаждением его проворачивая и наблюдая, как корчится враг.

– Получай, гнида! Почувствуй ту боль, что чувствовал я! Ну, давай! Кричи!

И хранитель сипло едва слышно закричал от боли, выталкивая звуки из горла. На его лице стало в разы больше тре-

щин – кожа расходилась, рождая чёрные кровоточащие разломы.

– Мор, оставь его! – попросил Пётр, приближаясь.

– Ни за что! Я бы хотел, чтобы он сгнил заживо, как и я! Чтобы он ощутил, каково это, когда твоя плоть разлагается и воняет, когда кожа чернеет, а под ней тлеют кости!

Хранитель распахнул рот в иступлённом крике, но из его горла вырывались лишь надсадные глуховатые звуки, похожие на стенание дикого зверя.

– Но у меня нет времени смотреть, как он гниёт. Я буду милосерднее, чем он.

Мор решительно и быстро выдернул нож из плеча и всадил его в район рёбер, надеясь, что задел сердце. Белые пальцы хранителя скрючились, он задёргался, болезненно и сипло дыша. Из груди тонкой струйкой полилась горячая густая кровь, пропитывая рубище.

А после хранитель стал обмякать, расслабляться. Только тусклые глаза вращались, ощупывая лица склонившихся над ним Мора и Петра, а в уголках появились слезинки.

– ...Я...я...хранил не Библиотеку от вас... а вас от библиотеки...

Это были его последние слова, после которых гипсовое лицо разгладилось, губы безжизненно распахнулись, а тусклый взгляд замер, устремлённый в золотистый потолок Библиотеки. И Пётр был готов поклясться, что эта погребальная маска дышала умиротворением и радостью. Будто он нако-

нец-то обрёл желанный покой.

– Ты слышал, что он сказал? – тихо спросил висельник. – Вдруг мы всё неправильно поняли про эту Библиотеку, и она вовсе не то, чем пытается казаться?..

Но Мор его не слушал. Пошатываясь и пытаясь отдышаться, он побрёл к шкафам, скользя по ним затуманенным взглядом.

– Взгляни... Сколько здесь всего... Это всё стоило того, висельник. Весь этот путь, все лишения и страдания. Всё стоило того, чтобы попасть сюда. Взгляни. **«Богатство»**, **«Смелость»**, **«Молодость»**, **«Воскрешение»**...

Пётр вздрогнул, едва Мор зачитал название нужной ему книги. Книги, ради которой он сюда и пришёл, ради которой прошёл все испытания.

– Бери любую книгу, висельник. Бери хоть все! Они исполнят наши мечты, мы поглотим все знания этого мира и станем богами...

Он вытащил с полки книгу в красном сафьяновом переплёте. На обложке виднелось золотое тиснение – «Исцеление». Он жадно её раскрыл и углубился в чтение. Глаза его загорелись так, словно вся истина мира сейчас предстала перед ним обнажённой. Он схватил ещё несколько книг, почти не глядя на корешки, лихорадочно перелистнул страницы, вчитался в содержимое. Никогда прежде Мора, ненавидевшего чтение всей душой с самой школы, так не манили книги. Он жаждал раствориться в этих знаниях.

Стать с ними единым целым.

Пётр молчал и с тяжёлым сердцем наблюдал за тем, как бывший соратник медленно сходил с ума. Повторялось то же самое, что и в библиотеке-ловушке. Но больше висельник ничем не мог Мору помочь. Кажется, последнее испытание готовило их именно к этому моменту. Оно учило, что книгам не всегда стоит доверяться. Что книги не всегда несут благо. И нет ничего в этой жизни, что достаётся за просто так. За знания тоже нужно платить. И чем они сокровеннее, тем выше плата.

Мор судорожно вырывал книги с полок, листал их страницы, вперив глаза в текст. Он шептал слова себе под нос, изредка выкрикивая что-нибудь восторженное:

– А-ах!.. Боже мой!.. Всё так просто!.. Истина моя!.. Я знал это!

И в какой-то момент вся его фигура вдруг засветилась мягким золотым сиянием. Мор не обратил на это внимания. Едва ли существовало что-то, что способно было отвлечь его от чтения. Тело становилось всё прозрачнее и прозрачнее, лишь в сиянии зарождались тонкие алые нити, ткущиеся из самой сути Мора, скручивающиеся и складывающиеся в отдельные фрагменты.

А после раздался резкий гулкий хлопок. И Мора не стало. Он рассыпался десятками книг. Новеньких красивых книг в сафьяновых, бархатных, кожаных, парчовых переплётах, с металлическими уголками или украшениями из эмали,

с витиеватыми сточками текста на жёлтых страницах, выведенного алыми чернилами.

«Отмщение», «Торжество справедливости», «Прорцветание», «Верность друга» и другие названия бросились Петру в глаза. Он крепко зажмурился.

Библиотека Желаний в молчании ожидала следующего читателя, который мог бы стать частью её книжного собрания.

Глава пятнадцатая.

Ключ

Пётр бросил взгляд на тело хранителя, лежавшее в луже крови. Тот на книги не распался. Более того, на его левой руке висельник впервые разглядел то, что не замечал раньше. На белой коже виднелись старые поблёкшие шрамы в виде цифр: начиная с единицы на большом пальце и так вплоть до пятёрки на мизинце.

Смешавшиеся в голове мысли превратились в сплошную кашу. Пётр понял, что хочет немедленно уйти из этой проклятой Библиотеки, оставив все её тайны нераскрытыми.

Он бросился к дверям, и с огорчением убедился в том, что Библиотека едва ли собиралась отпустить его. Он прикладывал руку к створкам раз за разом, пытался выломать их, но всё было безуспешно. Теперь он стал пленником этого места, и оставалось лишь исследовать свою клетку.

Ступая мимо громоздких книжных шкафов, тянувшихся бесконечно далеко вперёд, Пётр, зарывшись пальцами в волосы, думал над своим положением. Библиотека превращала всех путников, попавших в её чертоги, в книги, наполняя себя. Стоило поддасться соблазну и заглянуть в одну из заветных книг на полках, как Библиотека поглотила бы читателя

вместе со всеми его желаниями, стремлениями и знаниями.

Пётр внезапно заметил впереди потемневший от времени старинный стол, установленный в центре свободного круглого пространства, которое обступали книжные шкафы. Сделанный из тёмного дерева, этот стол казался неуместным посреди золотистой Библиотеки. И подойдя ближе, Пётр убедился в этом.

Стол был завален древними и относительно новыми свитками, сделанными из папируса, ткани и пергамента. Некоторые были развёрнуты, и Пётр заметил, что вид текста отличался от книг Библиотеки. Чернила были чёрными, буквы – неровными, всюду виднелись кляксы и приписки.

Висельник поддался голосу интуиции и взял один из свитков, вчитываясь в него.

И чуть не выронил пергаментную трубку на пол.

«...не один лишь я, но и все мои предшественники, все хранители этой преисподней, старались донести до искателей Библиотеки ужасную истину. Я не раз говорил путникам: эти завлекающие книги, что Библиотека сама разбрасывает по миру, то тут, то там, – лишь уловка, приманка. Я твердил им, что Библиотека манит к себе мечтателей и сумасбродов. Она обещает исполнить их желания, но на деле питается их доверчивыми душами, склонными к авантюризму. Верил ли мне хоть кто-то? Нет. Не поверят и вам. Путники видят в нас помеху. Они думают, будто мы скрываем Библиотеку от них,

потому что жаждем единовластно ей владеть...»

Пётр прервался, удивлённо выдохнул и присел на край стола. Он схватил ещё несколько свитков и без разбора принялся читать случайные куски текста. Эти свитки не принадлежали Библиотеке, не были её творениям: они были памятью хранителей, что век за веком оберегали людей от этого места и передавали знания новичкам.

Один из свитков, самый древний по виду, с чёрными чуть обуглившимися краями, развернулся сразу, стоило висельнику его взять. И из свёртка пергамента на стол с лязгом выпал ключ.

«Ты – тот немногий, что сумел преодолеть влечение Библиотеки, что не поддался её дьявольским чарам и не взял ни одной из книг. Это значит, что ты достоин стать хранителем. Тем, кто будет оберегать от Библиотеки весь остальной мир. Тем, кому поручен ключ, которым Библиотека была заперта. Это я изготовил ключ, я запер Библиотеку, не позволив ей и дальше свободно творить свои злодеяния. Но Библиотека оказалась куда древнее и мудрее меня, ведь она – сама суть всех человеческих знаний. Пусть она заперта, изгнана из нашего плана и просто так в неё не войти, но она научилась приманивать к себе людей, дала им отмычку, что позволяет попасть внутрь...»

Ты должен проявить смирение и решимость. Возьми этот ключ, и вся мудрость моя передастся тебе. Мои силы и жизненный опыт помогут тебе исполнять долг

хранителя веками...»

Пётр поглядел на массивный ключ и вернулся к тексту. Дальше он прочитал, что в ключе была заключена разрушительная мистическая сила, что меняла плоть, но и расширяла сознание. Та самая сила, как вспомнил висельник, что позволяла прежнему хранителю становиться призраком, бывать всюду и нигде, создавать немыслимое. Хранители знали о каждой книге, что Библиотека выпускала в мир людей, следили за ними, отпугивая искателей и защищали жестокими испытаниями, пройти которые могли немногие.

Потому что уничтожать Библиотеку и её книги было бесполезно. Неумолимо она возрождалась из пепла, вновь влекла к себе людские души и слой за слоем, ряд за рядом обрастала новыми книгами. Можно было лишь сдерживать её.

Пётр читал свитки часами. Он ворошил старый папирус и пергамент, в перерывах задумчиво глядя на ключ. Но решение давно созрело в голове.

Отец много лет учил его бороться с зависимостями. Он верил, что сын однажды станет достаточно сильным, чтобы преодолеть свои губительные привычки. А ведь безудержная тяга к знаниям – тоже своего рода зависимость. Пётр справился и с ней. Как он и обещал отцу.

Пусть папа не сможет воскреснуть и увидеть, как повзрослел и возмужал сын... Но зато теперь Пётр был уверен, что сделал в своей жизни что-то правильное.

Он решительно сжал ключ, и время для него останови-

ЛОСЬ.